

БЛУДНОЕ ЧАДО

ДАРЬЯ
ПЛЕЩЕЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Арсений Шумилов

Дарья Плещеева

Блудное чадо

«ВЕЧЕ»

2016

Плещеева Д.

Блудное чадо / Д. Плещеева — «ВЕЧЕ», 2016 — (Арсений Шумилов)

ISBN 978-5-4444-8398-5

Середина XVII века. Боярин Афанасий Ордин-Нащокин, выполняя ответственные поручения царя Алексея Михайловича, ведет переговоры с иностранными дипломатами. А его единственный избалованный сын – Воин, наслушавшись баек о просвещенной Европе, в один прекрасный день удирает в Польшу, увезя с собой секретные письма государя. В погоню отправляются подьячий Посольского приказа Арсений Шумилов и его лихие подчиненные – Ивашка с Петрухой. К ним присоединяется француженка Анриэтта, несколько лет назад волей судьбы попавшая в Москву. Много приключений ждет и беглеца, и догоняющих его москвитов. Но им удастся вернуть поумневшего за годы странствий Воина домой, и немалую роль в этом сыграл знаменитый художник Рембрандт ван Рейн...

ISBN 978-5-4444-8398-5

© Плещеева Д., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Глава шестая	40
Глава седьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дарья Плещеева

Блудное чадо

Глава первая

– Москва! – радостно воскликнул, привстав на стременах, Ивашка.

– Москва, – подтвердил Богдан.

Ивашку и оставшегося в Царевиче-Дмитриево, прежнем Кокенгаузене, друга Петруху уже вполне можно было звать уважительно – Иваном Матвейчем и Петром Федоровичем, тем более что Ивашка – женатый человек, да и Петрухе поневоле пришлось задуматься о семейных радостях. Но служба у обоих такова, что дома бывают редко, жиром не обрастают и, хотя обоим чуть за тридцать, сохраняют юношескую поджарость и молодой блеск в ясных глазах. Опять же в чинах они небольших, начальства над ними – великое множество. Ивашка – всего лишь толмач Посольского приказа, отданный в распоряжение воеводы Ордина-Нащокина, а Петруха – знающий всех языков понемногу, зато понимающий в строении всевозможных судов, и морских, и речных, северянин из Архангельска, которого в Москву, потом в Курляндию, а потом и в Царевиче-Дмитриев занес случай. Как же не назвать их Ивашкой и Петрухой?

Отряд конных (десять вооруженных всадников на крепких выносливых бахматах, четыре заводных коня, из которых два аргамака, да шесть вьючных мерин) приближался к Москве по волоколамской дороге. Уже проехали Покровское, уже оставили за спиной деревеньку Шукино, приписанную к Хорошевской конюшенной волости, и до Боровицких ворот Кремля оставалось с десяток верст.

Были в отряде двое очень опытных бойцов – Богдан Желвак и Тимофей Озорной, было трое донских казаков, местный житель – купец Иоганн Вайскопф с подручным, парнем такого мощного сложения, что хоть его зимой на лед Москвы-реки выпускай государя кулачным боем тешить. А еще в Москву ехал единственный сын воеводы Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, Воин Афанасьевич, с пожилым дядькой Пафнутием. Ну и, само собой разумеется, Ивашка.

Желвак и Озорной, конюхи Больших Аргамачьих конюшен, что в Кремле у Боровицких ворот, обычно выполняли задания Приказа тайных дел, возглавляемого дьяком Дементием Миничем Башмаковым, а случалось и выслушивать приказания от самого государя Алексея Михайловича. На сей раз они привезли в Царевиче-Дмитриев деньги для Ордина-Нащокина, отдохнули несколько дней и присоединились к отряду, собранному для путешествия в Москву.

Казаки служили в Царевиче-Дмитриево, поскольку их привели для завоевания Лифляндии, как и русских рейтар. С войском, временно пребывавшем в безделье, случались неурядицы – оно грабило лифляндских обывателей, хотя те уже присягнули московскому царю. Воевода Ордин-Нащокин сперва ушам своим не поверил, когда ему читали жалобы, потом взялся истреблять заразу. Он писал государю, что охотнее бы сидел в заточении, чем видел, как людям причиняются столь злые беды. Но порядок он навел, и государь, жалуя его в семь тысяч сто шестьдесят шестом году от сотворения мира чином думного дворянина, хвалил его за то, «что он алчных кормит, жаждущих поит, нагих одевает, до ратных людей ласков, а ворам не спускает».

Иоганн Вайскопф был из тех отчаянных купцов, про которых говорят: «кому – война, а кому – мать родна». Он с телегами товара мог возникнуть посреди войска, осаждающего крепость, а на другой день с мешками провианта – в этой же самой крепости. Сейчас он хотел сам встретиться с московскими купцами и посмотреть, не выйдет ли из этого какой прибыли.

Что касается Воина Афанасьевича, единственного и по такому случаю избалованного чада, то ехал он в Москву очень неохотно. В Царевиче-Дмитриеве ему жилось отлично – то туда наезжали знатные курляндские немцы, то сам он сопровождал отца в Митаву или в Гольдинген, доводилось встречаться и с образованными польскими панами, говорившими по-латыни так, как если бы родились и выросли в Древнем Риме, при императоре Августе. Воин Афанасьевич сам отлично знал и латынь, и немецкий, хорошо говорил по-польски и помогал отцу в деловой переписке, заодно учился всяким тонкостям обхождения с ненадежными союзниками. Он понимал, что в Москве и поговорить-то ему, бедненькому, не с кем, да и не о чем, а вот в храм Божий придется ходить чуть ли не ежедневно, чтобы не вызвать государев гнев на отцовскую голову: воспитал-де сынка, палками на исповедь не загонишь...

Но поездка была необходима – пусть государь видит, что Ордин-Нащокин вырастил хорошего сына, почтительного и многознающего. Только то и утешало, что предстояла встреча с государем. Государю Афанасий Лаврентьевич посылал немецкие и прочие книги да еще другие книги – в Посольский приказ. Это были лексиконы, «космографии» да еще здоровенная кипа немецких, датских и шведских газет, которую за день до отъезда отряда прислали из Курляндии.

Путь от Царевиче-Дмитриева был удобен для конных – дороги давно высохли, и, хотя до Москвы более семисот верст, можно было, двигаясь даже без особой спешки, одолеть это расстояние за две седмицы. Гонцы, понятное дело, неслись куда быстрее – ну так гонцов ждут свежие кони на подставах.

По пути отряд дважды столкнулся с ватагами лесных налетчиков и успешно отбил, даже взял добычу – три старые аркебузы, чтобы не оставлять лихим людям огнестрельного оружия. Так что Ивашка чувствовал себя не простым толмачом Посольского приказа, а бойцом, чуть ли не богатырем. И чем ближе родной дом, тем радостнее было на душе: там ждала любимая жена с маленькой дочкой Варюшкой, а во чреве у жены уже копошилось и брыкалось другое дитя, если верить приметам – парнишка, сын! Месяц назад в Царевиче-Дмитриеве пришло от нее письмо на французском языке, где она писала о предполагаемом сроке родов. Ивашке втемяшилось: хоть как извернуться, а быть в это время у себя в Замоскворечье, чтобы принять на руки крошечного сына.

Жена у него была необычная. Пожалуй, Ивашка стал первым служителем Посольского приказа, ухитрившимся повенчаться на французской аристократке.

Любовь настигла их в непростой обстановке: Дениза, в первом браке леди Тревельян, и ее подруга Анриэтта, тоже леди Тревельян (обе совсем юными вышли замуж за родных братьев), выполняли при курляндском дворе тайное поручение его преосвященства кардинала Мазарини. Чуть было не отправились на тот свет, да Ивашка спас и привез к боярину Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину. Тот вел русское войско брать крепость Кокенгаузен, стоявшую на двинском берегу, в сущности, на примыкавшем к нему островке. Крепость считалась неприступной, брали ее разом с суши и с воды, а когда взяли, дали другое имя, как велел государь – Царевиче-Дмитриев.

Возвращаться женщинам было некуда, и они, прожив немного в Царевиче-Дмитриеве, взялись исполнить поручение Ордина-Нащокина – завести знакомства в магистрате готовившейся к осаде Риги. Туда как раз стекалось окрестное немецкое дворянство, и легко было замешаться в толпу беженцев, входящих в город через Карловские ворота. Это было в конце августа тысяча шестьсот пятьдесят шестого года – если считать, как принято во всей Европе, от Рождества Христова. Когда стало понятно, что осада не удалась, русское войско в конце сентября отступило от Риги, Дениза и Анриэтта вышли из города, потом опять туда вернулись, наладили несколько важных встреч с рижскими ратсманам.

А потом попал в большую беду человек, которого Афанасий Лаврентьевич очень уважал и хотел сделать подлинным союзником Российского государства. Человек этот был курлянд-

ский герцог Якоб Кетлер. С ним велись многие переговоры, одно время он даже склонялся перейти под руку русского царя. Но из этой затеи ничего не вышло. Не вышло оттого, что герцог пытался совершить невозможное. Уж больно неудачно расположилась Курляндия с одной стороны – Речь Посполитая, с другой – Россия, по ту сторону Балтийского моря – Швеция, которой тесно в своих пределах.

Когда малое государство при большой стычке между тремя крупными пытается до последнего ни во что не вмешиваться и лавировать, кончается это очень плохо. Если бы герцог решительно присоединился хоть к кому-то из противников, и то нанес бы меньше вреда своему процветающему герцогству. Но он пытался спасти свои достижения, как хороший хозяин – свои заводы и верфи, в которые душу вложил, и своими руками многое погубил.

Когда шведский Карл захватил Польшу, а русское войско осадило Ригу, герцог пытался усидеть одним задом сразу на всех стульях: снабжал провиантом московитов и поляков, позволял польским отрядам проходить через Курляндию, пропускал и московских послов, ехавших к курфюрсту бранденбургскому.

Курфюрст, будучи его зятем, по-родственному уговаривал Якоба хоть к кому-то прикнуть. Сам он предпочел Швецию, к тому же склонял Якоба, но напрасно. Вассальных отношений с польским королем Якоб не рвал.

И вот до того дошло, что шведский Карл вспомнил о замысле своего предшественника Густава-Адольфа оторвать Курляндию от Польши, лишить ее самостоятельности и поставить над ней кого-то из своих людей. Сильного защитника у Якоба не было – король Ян-Казимир скрылся от шведского нашествия в Силезию, и, хотя поляки уже всю поднялись против шведов, выручать из беды еще и курляндца они не могли.

Сперва шведы заняли город Пильтен, а потом, в ночь с 28 на 29 сентября тысяча шестьсот пятьдесят восьмого года, шведский фельдмаршал граф Дуглас взял штурмом Митавский замок. Герцог и его семейство попали в плен. Пришлось отдать Карлу замки Доблен и Бауск, но свободы этим Якоб не добился, в ноябре его с семьей перевели в Ригу.

По указанию Афанасия Лаврентьевича Анриэтта и Дениза стали вить петли вокруг Рижского замка. Им удалось переправить плененному герцогу письмо и получить ответ, потом – другое письмо. Но шведы, засевшие в Рижском замке, тоже были не дураки. Лазутчицам пришлось спешно уходить из города. А герцога с семейством летом следующего года отправили в небольшую крепость под Нарвой.

Возвращение в Царевиче-Дмитриев для Денизы оказалось судьбоносным. В январе она поняла, что беременна. Ивашка пришел в бешеный восторг, но к радости прибавились хлопоты. Пришлось отправлять любимую в Москву, к Ивашкиной матери, и вместе с ней поехала Анриэтта. Жизнь в холодном и сыром замке не шла на пользу ее раненому колену.

Анриэтта стала горестной заботой Ивашкиной матушки.

Когда беспутный сынок привез в Замоскворечье двух француженок, не говорящих по-русски, поселил их у себя дома и объявил, что собрался на одной из них повенчаться, матушку Марфу Андреевну чуть удар не хватил.

– Дурак ты, прости Господи, дурень несуразный! – кричала она. – Выбирал, выбирал – выбрал пугало огородное! Чем тебе Агашка Свешникова была нехороша? Дородная, румяная, кровь с молоком! А эта ж чернее сатаны!

Чертей и сатанаилов матушка видела в церкви на образах, где Христос сходит в ад, чтобы вывести оттуда праведников. Там богомазы не скупилась на черную краску. Каковы они на самом деле, Марфа Андреевна и помыслить боялась.

Но Ивашка был упрям. Он пошел совещаться к отцу Кондрату, которого в приходе уважали за здравый смысл и не одобряли за склонность к безобидным приключениям вроде поисков клада по древней и неразборчивой записи. Досовещались они до того, что Ивашка, утра-

тив способность переставлять ноги, остался у попа ночевать и радовал соседей непотребными песнями на немецком языке.

Наутро отец Кондрат прислал сынишку за Марфой Андреевной.

– Препятствий не чини, – строго сказал он. – Эти две бабы, каких он из ливонских украин вывез, нашему государю там служили. Так что должна понимать!

– Бабы – и государю служили? Это как же?

– Не твоего ума дело, дура. Ты знай свои горшки и ухваты. А они – служили.

– Так черна же и тоща! Да и стара для Иванушки!

– Молчи и не перечь, дура! Твоему Ивану беречь этих баб самим государем велено! Про Приказ тайных дел слыхала? Вот то-то! Покрестим эту бабу во благовремение – будет тебе невестка! И нишкни! На то государева воля!

– Так и приданого ведь нет!

– Будет!

Дениза, которой Ивашка не просто объяснил положение дел, а даже сводил ее к отцу Кондрату и сам служил им толмачом, креститься согласилась сразу. Ее венчанный муж, которого она не видела более десяти лет, по слухам, был жив, жил с другой женщиной, и та рожала ему детей. Ездить за разводом к папе римскому было сложной и дорогостоящей затеей. Перейдя в другую веру, Дениза обрела свободу.

Так она и сделалась Дарьей, а приданое себе собрала, продав при посредстве Ивашкиных сослуживцев из Посольского приказа свои драгоценности.

Анриэтта же креститься в православие не торопилась.

Она понимала подругу и названую сестру: Дениза полюбила Ивашку, хотела жить с ним, хотела покоя и наконец-то детей. Анриэтта не любила никого – да и мудрено было полюбить после всех ее походов.

Когда Дениза родила Варюшку, когда научила соседских девок вышиванию и плетению кружев на фламандский лад, когда заговорила по-русски, Марфа Андреевна понемногу полюбила ее. И тут Ивашкиной матушке пришлось на ум выдать замуж Анриэтту. Та была, на ее взгляд, баба в самом соку, да еще красавица. Но Анриэтта откровенно скучала в Замоскворечье.

Найти утешение в рукоделиях и заботах о ребенке она не могла – ей доставало привычных и волнующих кровь приключений. Анриэтта ошиблась, полагая, будто ей нужен покой. Два месяца тихой жизни, как в лирском бегинаже, ее бы вполне устроили, но Ивашка привез их с Денизой в Москву навсегда. По крайней мере до той поры, как помрет кардинал Мазарини.

Марфа Андреевна призвала двух опытных свах и держала перед ними такую речь:

– Сестрицы-голубушки, сыщите мне вдовца в годах, который уже старших своих поженит и замуж поывадал, а хочет на старости лет жениться, а не блудом распалиться. Невеста-то у нас не больно молоденька, да и вдова. С собой хороша, приданого рублей с тысячу наберется...

Это Марфа Андреевна, зная, сколько было получено за бриллиантовый перстень и прочее добро Денизы, примерно посчитала, во что обойдутся украшения Анриэтты.

Свахи нашли двух почтенных старцев, но Дениза с Анриэттой догадались про эти затеи. Был неприятный разговор, женщины чуть не рассорились навеки, но очень вовремя были доставлены деньги от Ивашки с наказом: строить новый дом, чтобы там всем хватило места. Потом он и сам приехал, пробыл в Москве две недели, еще приезжал и уезжал. Очень хотел, чтобы у них с Денизой-Дарьей был сынок, но сразу сынок не получился.

Анриэтта сама не знала, чего хочет. Замужества? Так на Москве нет женихов, чтобы ее устроили. Домой, во Францию? Там и показываться нельзя. В конце концов ей стало казаться, что горница, в которой она жила, по московским понятиям отменно убранная горница, с периными на постели толщиной чуть не в аршин, с пестрой изразцовой печкой, с новенькими обра-

зами в красном углу, с огромным сундуком для мягкой рухляди, не выдерживает сравнения с камерой в Бастилии: там в окошко Париж виден!

В таком смутном состоянии духа она ждала приезда Ивашки. И даже радость Денизы, которой все соседки пророчили рождение сына, она не могла разделить. Если бы Анриэтта знала русское слово «хандра», то сразу бы применила его к себе. Но среди слов, ею освоенных, именно этого не было.

Ивашка же торопил коня, сгорал от нетерпения, душой уже был в своих замоскворецких владениях. Но сперва следовало явиться в Кремль, доложить о себе Башмакову, отдать ему бумаги и книги, ответить на его вопросы.

У Боровицких ворот отряд остановился: стали думать, куда девать Вайскопфа с подручным. Их следовало доставить в Немецкую слободу, что за Яузой, там бы они сговорились о жилье и пропитании, но сами они, не зная языка, ввек туда сквозь Москву не доберутся. Наконец Богдан Желвак решил взять их в Аргамачьи конюшни – там найдется, где прилечь, чтобы отдохнуть с дороги, и там же им найдется провожатый до слободы.

Башмаков не слишком задержал Ивашку, ему важнее было услышать донесения Желвака с Озорным, да и неудивительно: их ведь не только с золотом в Царевиче-Дмитриев посылали, но и поглядеть, в каком состоянии крепость, каковы пушки на стенах да и сами стены, послушать, что говорит гарнизон о лифляндской жизни и о своем воеводе. Ивашке было велено прийти наутро, а Ордину-Нащокину-младшему – подождать до вечера, когда вернется с охоты государь. С тем Башмаков этого гостя и выпроводил.

Воин Афанасьевич с верным, хотя и малость бестолковым, Пафнутием должен был остановиться у давнего приятеля своего батюшки, а приятель был псковский купец Кольцов, перебравшийся в Москву и заведший дом на Варварке. Если бы искать приют сообразно положению батюшки, воеводы и думного дворянина, то можно было бы хоть к боярину Морозову в ворота стучаться. Но в том-то и беда, что на Москве Ордина-Нащокина не любили. Вечно он на все роптал, всем был недоволен и, чуть что, жаловался государю. Приказные обычаи и ставшее совсем обязательным мздоимство, устройство царского войска, дикие нравы – все его огорчало, обо всем он имел свое мнение. И получилось, что больше общего он имел с иноземцами, которые признавали за ним острый ум и образованность, даже уважали за знание своих обычаев, чем с москвичами, – эти, смеясь над ним, называли его самого иноземцем.

До того даже доходило, что в письмах к государю Ордин-Нащокин называл себя обличиванным и ненавидимым человеченком, не имеющим где преклонить грешную голову. Но от таких риторических фигур он мог напрямую перейти к суровым обвинениям: государево дело ненавидят-де ради меня, холопа твоего. А ненавидеть государево дело чревато неприятными последствиями, потому что Алексей Михайлович горяч, может и чем попало по дурной голове треснуть. За такие ядовитые намеки и не любили Ордина-Нащокина, доля этой нелюбви причиталась и его единственному сыну.

Москва, где Воин Афанасьевич бывал редко, ему не нравилась. Вырос он в небольшом Пскове – и сама величина Москвы, раскинувшейся привольно, с огромными дворами, широкими улицами, большими садами, его раздражала. К тому же Москва была пестра – иной купчина гордо выходил со двора в красной рубахе, поверх нее – в полосатом желто-лазоревом зипуне, поверх зипуна – в рудо-желтом распахнутом дорогом кафтане, имея на ногах синие порты и зеленые сапоги. Это великолепие просто резало Ордину-Нащокину-младшему глаз – он невольно вспоминал курляндских купцов и дворян в их темных, на голландский лад, штанах и накидках, единственной роскошью которых были белые воротники, гладкие кружевные или плетеные на давний испанский лад. Краснокирпичные храмы тоже не выдерживали сравнения с белыми псковскими.

Когда Воин уже ехал по Варварке, а за ним – Пафнутий, ведя в поводу выючного мерина, случилась неожиданная встреча, имевшая сложные и неудобоваримые последствия.

– Господи Иисусе, неужто ты? – услышал Воин и тут же увидел выезжавшего из переуллка всадника.

– Вася?

– Я!

– Ты сюда как попал?

– Да мы всей семьей перебрались!

Вася Чертков был молод, смешлив, румян и, как говорили люди опытные, без царя в голове. Именно поэтому Воин и обрадовался встрече – умных разговоров ему и в Царевиче-Дмитриеве хватало.

– Ты где стоишь?

– Мы пока домишко на Ильинке купили, а дальше – как батюшка решит. Слушай, Войнушко, надолго ты сюда? Ведь будешь возвращаться в Лифляндию?

– Куда ж я денусь!

– Войнушко, батюшка, заставь век за тебя Бога молить! Забери меня с собой!

– Да что ты там у нас делать будешь?

Воин знал, что приятель не то чтобы немецкой или польской грамоте – русской скверно обучен. Да и вообще нет ничего такого, что бы он знал хотя бы сносно; счесть деньги в собственном кошельке – и то мог не сразу, с мучениями.

– Да уж найду, что делать, только забери меня отсюда!

– А что стряслось? – осторожно спросил Воин.

– Женить меня вздумали. Батюшка сказал, у меня от того в голове ума прибавится.

– И ты не хочешь жениться?

– Да на что? Мне наших дворовых девок хватает. Все только и думают, как меня в чулан или на сеновал заманить. Войнушко, не погуби, возьми меня с собой!

– Ну, возьму тебя, а дальше что?

– Дальше я уж осмотрюсь и догадаюсь, как быть! К курляндскому герцогу поеду.

– На что он тебе?

– Я пока не знаю. Но там же нравы другие, вольные! Там девки ходят с голыми грудями!

– Сколько бывал в Митаве и Гольдингене – ни разу такого не видал.

– А я видал!

– Где?

– На немецких печатных листах! Там они и подол задравши ходят! Войнушко, свет мой, тут же не скука, а скучища! А там польское платье носят, с бабами пляшут, не то что у нас, там – рай, право слово, рай!

Васе удалось насмешить Воина. И они уговорились всякий день, пока не настанет пора возвращаться в Царевиче-Дмитриев, встречаться.

Потом, переодеваясь, не идти же к государю в дорожном, Воин Афанасьевич все посмеивался: надо же, какое у Васи в голове представление о немецких нравах. Казалось бы, кто мешает доехать до Кукуй-слободы и хоть из кустов поглядеть, во что одеваются тамошние девки. Так нет же – печатные листы, неведомо где добытые, ему белый свет застили. Чудак, ей-богу, чудак...

Глава вторая

Ивашка пребывал в райском блаженстве.

А как не блаженствовать, когда рядом сидит любимая жена с огромным животом, в котором наследник, на коленях – доченька Варюшка, родимая матушка не знает, чем еще угостить, чем еще порадовать, стряпуха с ног сбилась, две девки-служанки так вокруг и мельтешат, дед Авдей топит баньку и вот-вот позовет париться, дорожную грязь смывать.

Хорошо сидеть в саду за простым, врытым ногами в землю, столом, да ощущать все свежие садовые запахи, да есть вкуснейшую ботвинью, да чувствовать босыми ногами шелковистую травку, ах, хорошо!

Потом, после бани, Ивашка затеял разговор с матушкой.

– Есть у меня на Москве одно дельце, – сказал он, – надобно Петруху моего женить. Афанасий Лаврентьевич приказал сыскать ему невесту да хоть за ухо вести раба Божия под венец.

– А что такое?

– Избаловался! Так что зови свах.

– Петруха-то знает, что его женить хотят?

– Знает! Его при мне Афанасий Лаврентьевич так стыдил, так срамил! Ты, говорит, возьми себе жену, с ней и тешься, а не то чтобы блудом распалаться!

Красивый чернобровый Петруха, поселившись при Ордине-Нащокине в Царевиче-Дмитриеве, заскучал. С одной стороны, и скучать вроде некогда, потому что для хождения по Двине строится речная флотилия и его знания очень даже требуются. С другой стороны, всякий Адамов сын нуждается в Евиной дочке, и Петруха пошел по рукам. Молодые горожанки охотно открывали перед ним окошки своих спален – во избежание лишних бед Петруха имел дело лишь с замужними. Когда Ордину-Нащокину донесли об этом, он за голову схватился. Некоторое время Петруха тщательно заметал следы, но однажды обманутый супруг подкараулил его; ночная уличная драка оказалась для супруга очень неудачной; Афанасий Лаврентьевич уже хотел отослать проказника с глаз долой в Архангельск, но Петруха поклялся, что женится на русской девице и заберет ее в Царевиче-Дмитриеве.

По летнему времени ему хватало судостроительных забот, и потому он уговорился с Ивашкой, что тот поищет ему невесту на Москве. Знакомство с суженой перед алтарем было в порядке вещей, и Петруха только просил друга выбрать красивую и не слишком дородную, да разглядеть ее повнимательнее, потому что нигде в мире нет такого обмана по части девок, как в Москве: могут к свахе и младшую сестру невесты вывести, и вообще чужую пригожую девицу.

Все это Ивашка растолковал матушке, она повздыхала, порхала и согласилась помочь. Потом он пошел к Денизе и застал ее с Анриэттой занятых новой книжкой.

В подарок жене Ивашка привез диковинку – роман госпожи де Скюдери «Клелия», недавно заверченный и напечатанный в Париже весь целиком. Роман неисповедимыми путями попал в Курляндию – как Ивашка полагал, был прислан в подарок кому-то из фрейлин-француженок польской королевы Марии-Луизы (поляки звали ее Людовикой), а вот его дорога от Варшавы до Митавы уже была совершенно загадочной.

– Ну что? Скоро ли? – спросил Ивашка, имея в виду наследника.

Дениза-Дарья второй раз была брюхата и знала приметы близких родов.

– Сама удивляюсь, уже пора, а он и не думает.

Потом Дениза позвала девку – помочь стелить постель, а Ивашка с Анриэттой вышли в сад.

Сама мысль о дружбе между мужчиной и женщиной была для москвитя странной. С родной сестрой – и то не всякий ладит. Было еще кумовство – кум с кумой состоят обычно в

веселом приятельстве, и недаром в народе говорится: какая кума под кумом не была... Ивашка решил, что Анриэтта ему вроде кумы, соответственно с ней и обходился.

– Покрестилась бы ты, сестрица, – сказал он. – Была бы моему сынку восприемницей, так бы с тобой наконец и породнились.

– Не хочу, – ответила она. – У меня и без того запутанные дела с Господом.

– Вот и распутаешь. У нас при крещении все прошлые грехи смываются.

– Нет, не хочу.

– А чего же ты хочешь?

О том, что Анриэтта скучает, Ивашка догадывался. Не получив ответа, он сделал заманчивое предложение:

– Может, поедешь со мной в Царевиче-Дмитриев? Побываешь в Риге, купишь себе чего душа желает.

– А что потом?

Этого Ивашка не знал.

Он расспросил Анриэтту, как им с Денизой жилось в его отсутствие, и пошел к жене.

О супружеских радостях и речи быть не могло, они просто легли рядышком, укрывшись вместо одеяла большой простыней – ночи были очень теплыми.

– Я тебя люблю, – сказала Дениза. – И очень хочу, чтобы ты увидел сыночка.

– Да и я тебя люблю, и я того же хочу. Но поди знай, когда прикажут возвращаться...

Завтра пойду к Башмакову, поклонюсь в ножки, может, позволит подольше побыть дома.

Так Ивашка и сделал.

Он был догадлив: не стал падать перед дьяком на колени и биться лбом об пол, а сперва деловито и толково ответил на все вопросы о лифляндском житье-бытье, возникшие у Дементия Минича при чтении писем. Потом лишь, когда Башмаков сдержанно похвалил его, с самым смущенным видом сказал:

– Батюшка Дементий Минич, не вели казнить... дельце такое, что без твоей воли и приступить боюсь...

– Говори уж.

– Я про Петруху Васильева. Афанасий Лаврентьевич тебе о его шалостях писать не стал, чтобы молодца не позорить, а дельце такое... Приказал мне Афанасий Лаврентьевич его женить!

Много любопытного услышал Башмаков за все годы, что возглавлял Приказ тайных дел, но такого не доводилось.

– Да кто ты таков, чтобы его женить? Отец ты Васильеву, мать, тетка?

– Не вели казнить, вели слово молвить!

И, получив позволение, Ивашка объяснил, как вышло, что ему приказано искать для Васильева невесту.

– Забавно. И что же ты намерен делать? – спросил Башмаков.

– Перво-наперво – в храм Божий, заказать молебен Богородице, чтобы способствовала, и другой – Николаю-угоднику, чтобы хорошее приданое послал, потом – святому Спиридону Тримифунтскому в Даниловом монастыре, и еще, сказывали, принесли с Афона образ «Неувядаемый цвет»...

– Будет, будет! Помолится – далее?

– Далее матушка свах позовет. Все чин по чину... Да только, если свахи обманут и лежалый товар подсунут, с кого спрос? Да с меня же! Вот в чем беда: не хочу Петрухе, дураку, плохую невесту сосватать, а хорошую – тут самому во все вникать надобно! Не только свах слушать – они такого напойют! Самому девок глядеть, о приданом у знающих людей выведывать! Ведь Петруха мне – как брат родной! – пылко восклицал Ивашка.

– Так к чему же ты клонишь?

И тут Ивашка действительно повалился в ноги дьяку.

– Батюшка Дементий Минич, дозвожь на месячишко в Москве остаться!

Башмаков рассмеялся:

– Воевода твой знает, что ты в Москве застрянешь?

– Да как же не знать? Понимает, чай, каково, когда свадьбу слаживаешь... Да он без меня не пропадет, есть кому бумаги переводить. Вон Воин Афанасьевич скоро к нему вернется.

– А какого ты мнения о Воине Афанасьевиче?

– Переводит изрядно, почерк у него отменный, из головы ничего не придумывает, непонятное слово хоть час по лексиконам ищет, но найдет...

– Я не про то. Как он с людьми ладит?

Вопрос Ивашку озадачил. Непростой был вопросец, а с подковыркой. Видимо, пока Ивашка хлебал ботвинью, младший Ордын-Нащокин что-то в Кремле натворил.

– А ему и ладить не приходилось. Кто скажет слово поперек воеводскому сыну?

– Ты прав. Но если бывал чем-то недоволен – что делал? Шумел, батюшке жаловался, оплеухой награждал? Или выжидал случая, чтобы поквитаться?

– Нет, оплеух за ним не водилось. Он, Воин Афанасьевич, кроток, да только...

– Что?

– Уж и не знаю, как сказать, чтобы понапрасну не опорочить.

– Да говори уж, как есть.

– Мне все время казалось – он потому на нас не сердится, что за людей не считает. Если оса укусила, чего на нее, дуру, сердиться? Батюшку своего он уважает, да только...

– Из тебя каждое слово клещами тянуть?!

– Только тогда и рад, когда к батюшке наезжают иноземцы или когда батюшка его в Митаву с собой берет или даже одного посылает. Вот если иноземец над ним посмеется, тогда будет большая обида. А то еще было – герцогинины девки над ним смеялись, очень огорчился. А им что – лишь бы зубы скалить! Был бы он ростом на два вершка повыше, да в плечах пошире, да личико не с кулак... Они бы сами на нем висли, я этих девок знаю, они все порченые!

Башмаков задумался.

– Ладно, дам я тебе месячишко на поиски невесты для Васильева, – сказал он. – Но, чтобы не разленился, будешь ходить на службу в Посольский приказ, поучишь там молодых толмачей. И сегодня же сбегай на Варварку, спроси, где дом купца Кольцова, навести Воина Афанасьевича. Узнай, как он там устроился, не надобно ли чего, да приглядишься – доволен ли или сердит. Ты его лучше знаешь, ты догадаешься. И тут же донесешь. Ну, ступай!

Сперва Ивашка поспешил к себе в Замоскворечье – обрадовать жену. Потом, поскольку еще не вернул бахмата в государевы конюшни, поехал верхом на Варварку. Там узнал, что Ордын-Нащокин-младший отправился в конную прогулку с приятелем, Василием Чертковым, которого знал еще с псковских времен. Раз привел с собой хорошего аргамака – грех не покатаваться, людей посмотреть, себя показать. Ивашка согласился, что воистину грех, и отправился доносить Башмакову: Воин-де Афанасьевич жизнью доволен, развлекается.

На следующий день он опять побывал на Варварке и узнал, что воеводский сын с приятелем собрались в Донской монастырь – Богу помолиться. Оба, отъезжая, были веселы, Чертков даже хохотал. Ивашка Черткова не знал, иначе бы возразил, что это беспокойное чадушко всегда хохочет.

Третья попытка увидеть Воина Афанасьевича тоже кончилась ничем, но кольцовский сторож сказал: гость уже поговаривал об отъезде в Царевиче-Дмитриев. Это Ивашку удивило: он знал, что Воин Афанасьевич полагал провести в Москве седмицу, а то и две. Но спорить со сторожем он не стал.

Все это было исправно донесено Башмакову, и тот подтвердил: собирается отряд, чтобы ехать в Царевиче-Дмитриев, пойдут казаки взамен тех, которых прислал Ордин-Нащокин, и еще другие – сменить тех, что замарали себя всякими пакостями. Также, благо есть хорошая охрана, повезут дорогие меха на подарки знатным людям и всякие поделки из рыбьей кости.

Ивашка испугался: как бы Башмаков, забыв про обещание, и его с тем отрядом не отправил. Но Башмаков на память не жаловался.

Придя домой, Ивашка даже не был впущен в покои, а велела ему матушка сидеть в саду, коли так уж захочется спать, – пусть кинет тулуп на лавку в подклете, потому что не до него – невестка рождает. И там, в горницах, повивальная бабка устроила такую суету с повелениями и причитаниями – хоть святых выноси да и сам выходи.

– Спать? – переспросил удивленный Ивашка. – Господи Иисусе!

Он понесся к отцу Кондрату, потребовал, чтобы тот отворил церковь и приступил к молебну во здравие. Посулил полтину да десять копеек сразу на свечи пожертвовал. Отец Кондрат еще просил помощи по хозяйству – нужно было новый сундук по узкой, с высоченными ступенями лестнице в светелку втащить. И, пока он Богу молился за рабу Дарью, Ивашка с работником Кузьмой маялись с сундуком, предназначенным не столько для хранения девичьего приданого, сколько для внушения трепета свахам: обе поповны, Соломия и Степанида, были девки на выданье, и отец Кондрат, зная, что одну следует отдать за лицо духовного звания, которому потом передать свой приход, вторую хотел видеть за дворянином, пусть даже обнищавшим и голоштаным.

Потом Ивашка поспешил домой – чтобы хоть быть поблизости от жены. Он бродил по саду, рука сама сдернула с ветки незрелое яблоко, насилу отплевался. Из открытого окошка горницы доносились то стоны, то крики. Длилось это дотемна, потом шум стих. Ивашка, испугавшись, побежал к дому, взлетел на высокое крыльцо и столкнулся с матушкой.

– Сын, сыночек! – крикнула она. – Такой ладный парнишечка, богатырь!

Ивашка, без всякого почтения отодвинув мать, ворвался в горницу. Там уже обмывали младенца в лохани. Увидев мужчину, женщины закричали, повитуха накинула на роженицу грязную простыню, ее помощница хотела вытолкать Ивашку, он отмахнулся и упал на колени перед постелью. Дениза, совсем слабенькая, повернула к нему голову.

– Я обещала... – прошептала она.

Ивашка взял жену за руку и, неожиданно для себя, эту руку поцеловал.

Потом его все же выставили.

Спал он в подклете, поднялся ни свет ни заря. Зная, что Дениза должна спать, и спать много, он бросил камушком в окошко Анриэтты. Нужно было хоть с кем-то поговорить о сыне. Анриэтта не отозвалась, Ивашка опять пошел в сад. Он был счастлив безмерно. Там, в саду, его и нашла матушка.

И началась вся та радостная суета, которая сопутствует крестинам и крестинному угощению. Хорошо, в Посольском приказе знали, что Ивашке предстоит такой замечательный праздник, и никого за ним не посылали. Кончилось тем, что Ивашка счет дням потерял. То он с женой сидел, то свахе Марковне приметы и качества будущей невесты втолковывал, то со свахой Петровной ругался: она, Петровна, хотела девку-перестарка подsunуть, а коли перестарок – значит, страшнее чумы и холеры. В приказ он тоже ходил – нельзя не ходить, тут же Башмакову донесут. Словом, ни минуты спокойной у Ивашки не было.

И вот настала ночь, которая поставила крест на его приятном и веселом житье.

Все уже легли, когда прискакал конюшонок с Больших Аргамачьих конюшен, ведя в поводу другого коня – для Ивашки.

– Дементий Минич к себе звать изволят, – сказал конюшонок, парнишка лет четырнадцати. – Спешно!

Он был очень горд тем, что выполняет приказание самого Башмакова.

Ивашка быстро оделся, поцеловал встревоженную Денизу и перекрестил колыбельку со спящим Митенькой.

Ночью, когда кремлевские ворота все на запоре, для гостей есть калитка у Боровицких ворот – принимать и посылать гонцов, до рассвета впускать тех служителей, что не в самом Кремле живут, а поблизости. Конюшонок спешил, вошел сам и втянул за повод коня, Ивашка – также. Сторож не сказал ему ни слова. Отдав бахмата конюшонку, Ивашка пошел, куда велено, – к Приказу тайных дел, располагавшемуся не в каменном приказном здании, а чуть ли не в самом Верху, поблизости от государевых покоев. Там его по пути дважды остановили сторожевые стрельцы, но он благополучно добрался до Башмакова.

В невеликом помещении приказа были двое – Дементий Минич и сам государь, оба – в комнатной одежде, в простых зипунах, накинутых поверх рубах.

Ивашка, испугавшись, рухнул на колени.

– Встань, – велел государь. – Что тебе известно о намерениях Войнушки Ордина-Нащокина?

– В Царевиче-Дмитриев хотел ехать, государь-батюшка!

– Не доехал!

– Гонца Афанасий Лаврентьевич прислал, беспокоится, не было ли дурна, – добавил Башмаков. – Где-то между Крейцбургом и Царевиче-Дмитриевым пропал. Что тебе о том ведомо?

– Ничего не ведомо, батюшка Дементий Минич... и государь-батюшка!..

– Я тебя посылал вызнавать, чем занят и в каком расположении духа этот Войнушка, – напомнил Башмаков. – А ты мне что донес?

– Что конными прогулками развлекается! С приятелем! С псковского дворянина сыном Васькой Чертковым!

– Вот вместе с Чертковым-то он и сгинул. Сказал за Крейцбургом, что до Царевиче-Дмитриева всего верст тридцать осталось, охота к вечеру там быть и в постели ночевать, не у костра, пересел с бахмата на аргамака, другого аргамака дал Черткову – и нет их обоих! Казаки без него на другой день потихоньку пришли, а его-то и нет. Давай, Иванушка, вспоминай все, что тебе на кольцовском дворе про этого гостенька сказывали, – велел Башмаков.

Память у Ивашки была отменная. Вот сообразительности иногда не доставало. Он не знал, что с самого начала нужно доносить Башмакову, как Воин Афанасьевич ездил к Спасскому мосту, покупал немецкие печатные листы непотребного вида и дарил их Ваське Черткову. Вот сейчас и доложил...

– Как будто в тех краях на дорогах уже не шалят... – пробормотал государь. – Не в Двине же они утонули!

Вдруг Ивашку осенило:

– Государь-батюшка, дозвожь слово молвить!

– Говори.

– Казаки кроме мягкой рухляди в Царевиче-Дмитриев и деньги везли! У кого те деньги были?

– Да у Войнушки, поди... С деньгами, значит, пропал, с аргамаками и с Чертковым! Но коли он в чужие края побежал, моя вина, моя, – неожиданно сказал государь. – Надо было мне тех ловчих и стольников плетью разогнать! Да слаб, слаб духом! Моя вина!

– Ступай, ступай, чтоб духу твоего здесь не было! – напустился на Ивашку Башмаков и в тычки выставил его из комнаты.

Низкая, с округлым верхом дверь захлопнулась.

Ивашка, чудом успев перескочить через высокий порог, устоял на ногах и крепко поскреб в затылке.

Поскольку русский человек задним умом крепок, он подумал: следовало бы спросить, не вез ли Ордин-Нащокин-младший важных писем, в том числе и таких, что рисуют хитрой

тайнописью. А потом понял, что за такой вопрос мог бы не только тычков, но и оплеуху огрести. Если ночью государь и Башмаков разбираются с пропажей – дело не только в кошеле золота и резвых аргамаках.

Уходить он не мог – Башмаков всего лишь выгнал его в темный коридор, но не сказал возвращаться домой. Ивашка пошарил по стене в поисках лавки, нашел лавку, сел и приготовился ждать.

Ждал он недолго. Дверь отворилась, Башмаков пальцем поманил в комнату. Государя там уже не было.

– Ты, Ванюшка, на левом берегу Двины часто бывал? Знаешь тамошние места? – спросил дьяк.

– Доводилось, батюшка Дементий Минич. Герцог Якоб, еще пока его шведы не увезли, дважды Афанасия Лаврентьевича на охоту звал, ну и мы при нем.

– Ступай домой, соберись в дорогу, я за тобой пришлю.

Ивашка понял, что спокойная жизнь окончена.

Разумеется, о том, чтобы дать ему лошадь, никто не подумал, и Ивашка шел от Кремля домой пешком. А это добрых две версты. Днем, может, и немного, а ночью для безоружного человека, имеющего при себе лишь маленький нож-засапожник, многовато.

Дома была суета – Митенька плакал и не хотел засыпать. Это перескочило и на Вареньку – тоже принялась реветь. Женщины прямо с ног сбились, укачивая детишек и успокаивая Денизу. Анриэтта сбежала от суматохи в сад и сидела там угрюмая – Ивашке даже пришлось на ум сравнение с голодной и злой волчицей.

– Что случилось? – спросила она Ивашку.

Московиты редко испытывали почтение к своим женщинам, потому что бабья дорога – от печи до порога. Даже верховые боярыни, толковые и деловитые, знающие счет деньгам и ведущие царичино немалое хозяйство почти без мужской помощи, не внушали особого уважения: их никто и не видел, разве что знали про их существование. Даже властные купеческие вдовы, после смерти мужей возглавившие дело и сумевшие удвоить и утроить доходы, могли вызвать страх и зависть, но не уважение. Вот разве что пожилые и опытные игуменьи больших девичьих монастырей – и то почитали не столько каждую известную матушку, сколько ее чин в церковной иерархии.

Но Анриэтта и Дениза были из другого мира – из того, где женщины порой справлялись с мужскими обязанностями лучше мужчин. Они в Царевиче-Дмитриеве рассказывали Ивашке, Петрухе, Ордину-Нащокину и оставшемуся при нем подьячему Посольского приказа Арсению Петровичу Шумилову, как во время французского бунта аристократов против короля, получившего название Фронды, знатные дамы командовали отрядами солдат и сражались между собой герцогов и прочих вельмож. Это было странно и даже страшновато. Узнав про похождения герцогини де Лонгвиль, очаровательной блондинки, которую прозвали черным ангелом Фронды, Афанасий Лаврентьевич даже перекрестился, пробормотав:

– С нами крестная сила, последние дни настали...

Так что Ивашка, зная, какой жизненный опыт приобрели его супруга и Анриэтта, рассказал о побеге Ордина-Нащокина-младшего. Анриэтта задала несколько вопросов и задумалась:

– Знаешь что, братец? Это ведь очень опасная интрига. Я сейчас скажу, о чем совещаются ваш царь и господин Башмаков.

Башмакова она знала – когда Ивашка привез в Москву француженок, дьяк Приказа тайных дел нарочно приезжал ночью в Замоскворечье, чтобы побеседовать с ними. Не вызывать же этих баб в Кремль среди бела дня!

– Рассуждают, куда этот дурень Войнушка с бумагами и с деньгами подевался и для чего потащил с собой Ваську Черткова! – брякнул Ивашка.

– Не так все просто. Ты ведь в шахматы играешь?

– Играю немного.

Действительно, Ивашка с Денизой иногда шахматами забавлялись.

– Этот молодой господин – такая пешка, что может доставить много хлопот королю и ферзю. Он на что-то смертельно обижен. Недаром же господин Башмаков пытался разведать, в каком он настроении. Если ты правильно передал слова его величества, то обида случилась, когда господин Ордин-Нащокин вечером ждал в Кремле, пока его величество вернется с охоты. Вместе с его величеством было много придворной молодежи; вот я и думаю, что эти бездельники наговорили господину Ордину-Нащокину глупостей. Скорее всего, они его жестоко оскорбили. Это тот случай, когда стрелу вроде бы пускают в сына, а метят в отца. Нужно узнать подробности.

– Я постараюсь.

– Я встречалась с этим молодым господином в Кокенгаузене, – сказала Анриэтта, которая никак не приспособилась выговаривать «Царевиче-Дмитриев». – Мое мнение – он слаб. Он живет за спиной отца, который силен, и он не научился сам быть сильным. Поэтому он не принимает вызова, не идет в бой, а убегает. Как дитя, которое прячется от няньки в кустах. Его оскорбили – он мог, как у вас принято, броситься в ноги вашему царю, принести жалобу, дать обидчику пощечину, раз уж у вас не бывает дуэлей...

Про дуэли Ивашка слыхивал, но ни одной не видал даже в Курляндии, а не то что на Москве; разве что в Немецкой слободе иноземцы могли схватиться на шпагах, так не станешь же нарочно там сидеть и ждать, пока они поругаются.

– Да что пощечина – плетью бы их!

– Тоже хорошее средство. Так вот – его величество и господин Башмаков сейчас, если только не пошли спать, рассуждают: что будет, если беглецы сумеют добраться до Польши.

– А что будет?

– Они попадут в когти к иезуитам. И это уже – настоящая опасность.

Глава третья

Ивашке было стыдно.

Он не понял, что требуется Башмакову, и отнесся к поручению спустя рукава. Решил: раз Воин Афанасьевич развлекается конными прогулками с давним приятелем, то все замечательно. А надо было расспросить людей, в каком настроении вернулся Ордин-Нащокин-младший из Кремля, не пил ли с горя, не сказал ли чего важного.

Поспав в подклете, Ивашка с утра поспешил на Варварку.

Ему показалось странным, что ночью не было сказано ни слова о дядьке Пафнутии. Насколько Ивашка знал Войнушку Ордина-Нащокина, тот просто был обязан взять с собой дядьку. Кто же ему, горемычному, постельку стелить будет, за бельишком смотреть, утром и вечером головушку чесать? Сказано было: ушли на двух аргамаках. Не посадил же Ордин-Нащокин-младший дядьку сзади на конский круп.

Купец Кольцов, приютивший Воина Афанасьевича с дядькой, как раз выходил из калитки с двумя приказчиками – спешил на торг, к своим лавкам. Ивашка наобум лазаря спросил про Пафнутия: он-де уговаривался со стариком, что навестит и поклоны от родни передаст.

– Спиной скорбен дядя Пафнутий, – ответил купец. – Как его скрючило, стал, как буква глаголь, не разогнется. Мы знахаря позвали, третий раз уж его в баню водит, правит спину – все без толку.

Ивашка чуть было не воскликнул «Слава богу!».

Его отвели в чулан к дядьке Пафнутию. Тот, увидев знакомца, обрадовался, пожаловался, что хвороба не позволила сопровождать питомца, и, будучи стариком разговорчивым, рассказал все, что знал про Войнушенькино житье в Москве.

Оказалось, придворная молодежь честила его оборванцем и иноземцем, издевалась над его невеликим ростом, над плохо растущей бородой. Даже государя не постыдились – он эту ругань застал. И питомец, хоть и был принят государем, хоть и был обласкан Алексеем Михайловичем, хоть и получил с царской руки дорогой перстень, вернулся домой злым, раздраженным и близким к отчаянию. Он толковал, что даже при дворе курляндского герцога не бывает такого поношения и бесчестья, а уж при французском, испанском и английском дворах – тем более. Он называл молодых языкастых стольников дикарями и дармоедами, не знающими грамоты даже настолько, чтобы по молитвослову акафист без запинки прочитать. Даже перстень не радовал – Воин Афанасьевич понимал, что подарок даден за отцовские, а не за его собственные заслуги.

Про Ваську Черткова дядька Пафнутий сказал кратко:

– Скоморох, прости Господи!

Ивашка пошел домой, размышляя: возможна ли такая обида, чтобы из-за нее предать своего государя? Разве что, может, государь на жену или на дочь покусился. И то, зная Алексея Михайловича, трудно вообразить, что он пойдет на такой грех. Хотя в европейских странах всякое случалось. В Посольском приказе не брезговали и слухами – надо же знать, с кем имеешь дело. Так про английского короля Карла, почти вернувшего себе престол, было известно, что ни одной красивой девки не пропустит. Дед нынешнего французского короля тоже был сластолюбец изрядный, но во всем прочем – человек почтенный. Да что далеко ходить – курляндский герцог Якоб, хотя в молодые годы много постранствовал и вряд ли хранил целомудрие, женившись, стал примерным супругом, а если позволял себе шалости, то тайные.

Дома он вызвал в сад Анриэтту. Она была рада сбежать от детских криков и бабьей суеты.

– Я думаю, замысел сбежать зрел у него давно, – сказала Анриэтта. – Но зрел так, как у слабых людей. Я вот тоже могу мечтать, как на луну полечу, и даже читать книжку господина де Бержерака «Иной свет».

Ивашка перекрестился.

– Это не про загробную жизнь. В книжке два романа, так, в одном автор рассказывает, как он на луну летал, какие там государства видел. Так я могу, когда мне все надоест, мечтать о луне, но на самом деле, даже если мне предложат верное средство, как в книжке...

– Там есть верное средство добраться до луны? – Ивашка был совершенно ошарашен. Оказалось, во Франции и на луну летать выучились, а москвиты только тарашатся на нее без толку!

Анриэтта с немалым трудом объяснила возмущенному москвиту, что такое писательское воображение.

– Можно проделать опыт, – предложила она. – Разденьтесь ночью догола и ложитесь в саду. К рассвету ваше тело покроется росой. Потом роса начнет испаряться, и вместе с этими испарениями вы подниметесь в небо. Так советует господин де Бержерак. Ночи теперь теплые – попробуй!

– Спаси и сохрани, – Ивашка опять перекрестился.

– Вот слабый духом человек будет читать такую книгу и представлять, как он летит на луну. А на луне хорошо – все благовоспитанные, галантные, всюду звучит приятная музыка, никого за проступки не наказывают. Вот так господин Ордин-Нащокин думал про Францию, Италию и Голландию. Он ведь встречался с иноземцами, которые хвалили свое отечество, им так по долгу службы полагалось. А тут ваша Москва и приласкала его на свой лад. И он решил лететь на луну...

Теперь Ивашка понял иносказание.

– Но, если его там примут плохо, он ведь сразу домой прибежит? – предположил он.

– Побоится, – твердо сказала Анриэтта. – Будет там в свином хлеву у свиней помой воровать, а вернуться – страшно и стыдно. Много должен будет пережить этот господин, чтобы вернуться. Но и когда приедет, верить ему опасно.

– Отчего?

Тут в окошко стали звать Анриэтту к Денизе, и она ушла.

А Ивашка хотел было поразмыслить над этим странным делом, но прибежала сваха Марковна. Ему было не до Петрухиных невест, но выслушать бабу пришлось. Тем более невеста оказалась подходящая, дочка подьячего Земского приказа, а там у подьячих много серебра к пальцам прилипает.

– В какой храм она ходит? – спросил Ивашка.

– Во Всехсвятский на Кулишках. Они там в Зарядье живут.

– Завтра пойду взгляну, какова собой.

Это было вранье – не завтра, а сегодня же, и не сам, а пусть матушка Марфа Андреевна сходит. Ей, матушке, сподручнее к подьяческой дочке приглядеться, она, может, что важное разведает. Тем более, как все пожилые бабы, она страсть как любит все сватовские и свадебные затеи.

До вечера Ивашка успел сходить в Посольский приказ, поузнавать насчет будущего Петрухиного тестя, застрял дотемна, а когда вернулся – оказалось, во дворе сидит сердитый Башмаков.

– Где тебя нелегкая носит? – напустился он на Ивашку. – Поди приведи ту бабу, что ты вместе со своей женой из Курляндии вывез. Я за ней вашу дворовую девку посылал, так она у вас бестолковая – ушла и пропала.

Ивашка привел Анриэтту.

Она уже привыкла одеваться на русский лад, в летник поверх красной рубахи, отвыкла от корсетов, но очень не любила прятать волосы – а ее светлые волосы, если их распустить, были превеликим соблазном. Однако, узнав, что ждет дьяк Приказа тайных дел, она убрала косы в волосник, а сверху – простой белый повойник, но не удержалась – выпустила на лоб

короткие кудряшки. Так на Москве не было принято, но она раз в два-три месяца просила Денизу подкоротить кудряшки и, глядя в тусклое зеркальце, видела себя прежнюю.

Башмаков встал и поклонился – не в пояс, мазнув пальцами по земле, а кивком и легким наклоном стана. Примерно так же поклонилась ему и Анриэтта.

– Толмачить будешь, – сказал Башмаков Ивашке. – Как тогда.

«Тогда» Ивашка переводил их разговор с русского на французский и обратно.

Анриэтта подтвердила, что слышала о побеге Воина Ордина-Нащокина. А на вопрос о подстерегающих беглеца опасностях ответила так:

– Он знает о польских, голландских и французских нравах только из книг и по встречам с теми иноземцами, которые бывали при курляндском дворе. Но там все стараются быть кроткими, как голуби. Он не знает, как ярится польский пан, над которым неудачно пошутили. Он не знает, как французский дворянин вызывает на дуэль за кашель или чихание в своем присутствии. И его никто не обучал ни рубке на саблях, ни фехтованию на рапирах и шпагах. Так что первая опасность – смерть в поединке. Но, господин Башмаков, это еще не самое страшное.

– Что вы имеете в виду?

– То, что в лучшем случае он умрет, не успев причинить вреда своему государю.

Башмаков, услышав перевод, посмотрел на Анриэтту озадаченно – не ждал, что женщина способна так рассуждать.

– Какого вреда нам от него ждать?

– Иезуиты, господин Башмаков... Вот кто вцепится в него мертвой хваткой. Потом он вернется, он на коленях приползет к своему батюшке, он получит прощение, ваш государь его помилуется... Но он уже будет тайным католиком! И он уже будет служить иезуитам! Все, что он будет делать в Москве, он сделает во благо общества Иисуса.

– Вы католичка?

– Да. Но я просто католичка, я верю в Бога так, как меня в детстве научили. Я верю... я верю, когда мне нужна Божья помощь, когда я в опасности... тогда я очень горячо верю! Но я не желаю власти. Я видела, как борются за власть, и поняла: люди, которым нужна власть, далеки от веры. А братству Иисуса нужна только власть. Они, как муравьи, способны пролезть в любую щель. Знаете ли, как они сейчас взяли в свои цепкие лапы польское королевство?

– Я слышал.

Ивашка покосился на Башмакова: ему казалось, что дьяк Приказа тайных дел знает все на свете; во всяком случае, чем живет Речь Посполита, он знать обязан. Та простая мысль, что Башмаков – не змей-горыныч, имеет всего одну голову и эта голова не в состоянии вместить сведения, которыми располагают все государевы приказы, Ивашке пришла уже потом.

– Они там уже лет сто, не меньше. Все школы в их руках, они отличные учителя, да только их наука – им одним на пользу, а полякам – во вред. Я слышала, будучи в Курляндии, что «кровавый потоп» по их вине возник. Что паны после их выучки не смогли поладить с казаками. Хотя точно я не знаю... Но от них всего можно ожидать.

– Они и к нам приходили, чтобы посадить на русский трон королевича Владислава, – сказал Башмаков. – Это давно было, больше чем полвека назад. Нашелся человек, объявился в Польше, выдал себя за покойного царевича Дмитрия. Здесь бы не посмел, здесь бы его сразу вывели на чистую воду... Переведи, Ванюша, повразумительнее. А там – сошло! Иезуиты поняли, какой клад им в руки дался. Этот Лжедмитрий обещал им, если приведут его к власти в Московии, вся Московия подчинится папе римскому. Ввели самозванца в дома вельмож, посватали ему дочь сандомирского воеводы Мнишека – Маринку, добились того, что король Сигизмунд стал собирать войско для похода на Россию. А самозванец от православной веры торжественно отрекся – хотя черт его разберет, какой он веры до того был. В Москву-то он попал – на коне въехал, а из Москвы по воздуху улетел...

Ивашка воззрился на Дементия Минича: неужто на луну? Да и Анриэтта явно удивилась.

– Убили, тело сожгли, пеплом пушку зарядили да в сторону Польши выстрелили, – объяснил Башмаков. – Что ты так глядишь, Ванюша? Такие вещи знать надобно. С той поры, со времени великой Смуты, мы здесь иезуитов не любим. И к себе не пускаем.

– Правильно делаете. А сейчас ваш перебежчик может им узкую щелочку открыть, и они протиснутся. Они ведь не носят сутан...

Ивашка перевел слово «сутаны» как «монашеские рясы».

– Они знают ремесла, они обучены такому обхождению, что любого на что угодно уговорят. А господина Ордина-Нащокина и уговаривать не придется – особенно когда у него деньги кончатся.

– Вы все очень хорошо объяснили.

– Я еще не все объяснила! Знаете ли вы про государство Парагвай?

Башмаков посмотрел на Ивашку, Ивашка – на Башмакова. Оба услышали это слово впервые в жизни.

– Я сама плохо себе представляю, где это, надо посмотреть в какой-нибудь космографии. Иезуиты начали там проповедовать. Они увлекли бедных индейцев, они построили города, они говорили, что хотят защитить индейцев от жестоких португальцев и кровожадных испанцев. Им поверили! Они ведь отличные проповедники и охотно учат чужие языки. И они создали свое государство в государстве. Поверьте, если сюда придут иезуиты, вы по речи не сможете отличить их от природных москвитов. А проповедовать они будут так, что толпа зальется слезами восторга. Судьба индейцев была такова: у них отняли всю собственность и загнали их в мастерские и на огромные поля. За работу и послушание им выдают только еду и одежду. Они выделывают кожи, прядут шерсть, выращивают табак и много иного, все это иезуиты продают за большие деньги, а деньги идут в казну ордена. Для них главное – братство Иисуса, сами себя они не называют иезуитами... Теперь понимаете, что будет, если они проберутся в Московию?

– Вас настолько беспокоит судьба Московии? – удивился Башмаков.

– Вы простодушны, как те парагвайские индейцы, – ответила Анриэтта. – Я не желаю вам такой судьбы, вот и все. Я не желаю, чтобы духовником вашего царя был иезуит. Я не желаю, чтобы ваших царей убивали потому, что они не угодили иезуитам. Так было много лет назад, когда они наняли убийцу для доброго короля Генриха. Но что я могу? Только сказать вам о своих опасениях.

– Про Парагвай мы не знали.

– Теперь будете знать. Индейцы тоже не подозревали, что их могут обмануть.

– Благодарю вас, сударыня, – церемонно сказал Башмаков и встал. – Ванюша, куда не отлучайся, жди моих приказаний.

После чего дьяк в государственном имени, как велено было писать его в бумагах, Дементий Минич Башмаков, заложил два пальца в рот и громко свистнул. Из переулка ответили таким же свистом, и чуть погодя у садовой калитки появился уже знакомый Ивашке конюшонок – сам на бахмате, другого бахмата вел в поводу.

Башмаков, как почти все москвиты, прекрасно ездил верхом. В седло он взлетел, казалось, едва коснувшись рукой конской холки. Дьяку было чуть за тридцать, и он не нуждался в услугах конюшего, подававшего стремя.

– Вот так-то, сестрица, – сказал по-русски Анриэтте Ивашка. – Натворил бед наш Войнушка...

– Еще только собирается натворить, – по-французски ответила она. – На месте господина Башмакова я бы отправила за господином Ординым-Нащокиным надежных людей.

Ивашка чуть было не спросил: зачем? Но догадался сам.

Пропали два дурня где-то в польских чашобах – ну и царствие им небесное.

Жалко было Воина Афанасьевича – все, кто состоял при Афанасии Лаврентьевиче в Царевиче-Дмитриево, поневоле сдружились, а воеводский сын был хорошо образован, знал

ответы на многие вопросы, не наушничал батюшке, если кто-то из писцов или толмачей начудит или явится на службу лишь к обеду. Под батюшкиным руководством цены бы ему не было, а каково сам собой руководить будет? При всем хорошем отношении к Воину Афанасьевичу Ивашка бы ему покупке коня на торгу не доверил – обманут, всучат старую беззубую клячу.

Наутро Ивашка услышал матушкин донос о Петрухиной невесте.

– Я рядом с ней встала, – сказала Марфа Андреевна. – Девка в соку, лет ей не девятнадцать, как Марковна врет, а все двадцать два, нос длинноват, да это все не беда, а вот сущая беда – изо рта воняет.

– Будь она неладна! – воскликнул Ивашка. – Такой нам не надобно! Что ж это такое? На всей Москве для Петрухи подходящей девки нет!

– Марковна сперва норовит лежалый товар сбыть. Погоди, она нам еще двух-трех негодных предложит, а потом, коли хочет с нас денег за услугу взять, и хорошую невесту посватает.

Но не судьба была Ивашке наскоро женить лучшего товарища. В обеденную пору прибежал посыльный – истопник Приказа тайных дел, также Ивашка, передал грамотку. В грамотке сказано: собираться в дорогу, а спозаранку, еще до того, как начнут отворять кремлевские ворота, быть у Боровицких, у калитки.

Ивашка поспешил к Денизе. У нее сидела Анриэтта, и он объяснил женщинам, что, сдается, будет послан в погоню за Войнушкой Ординым-Нащокиным и беспутным Васькой Чертковым.

– Вряд ли они застряли в Курляндии, – сказал Ивашка. – По моему разумению, оба уже в Литве, у литовских панов меды пьют. В Курляндии-то до них легко дотянуться. А Литва не на краю света. Может, месяца через полтора и вернусь. Может, даже к Успенью.

Прибежала Варенька – в одной рубашонке, как все московские дети в летнюю пору, босая, – полезла к батьке на колени; батька, расчувствовавшись, поцеловал тугую розовую щечку.

Анриэтта была занята важным делом – расчесывала длинные темные волосы Денизы. Когда Дениза рожала, косы ей, по обычаю, расплели и все узелки на одежде развязали. Повивальные бабки божились, что оставленный узел завязывает путь выходящему из утробы дитяти. К концу родов волосы так спутались и сбились, что Анриэтта лишь теперь, прядь за прядью, разобрала их.

Ивашка любовался женой. В замужестве она немного пополнела, лицо округлилось, а что кожа осталась смуглой, только чуть посветлела, так ведь и это поправимо: идя на люди, можно набелиться и нарумяниться. Особенно он любил эти длинные пышные волосы – когда Дениза распускала их, то могла, опускаясь на стул или скамью, сесть на кончики. Поймав взгляд мужа, она улыбнулась. Улыбнулся и он. Так они молча подтвердили друг другу свою любовь.

– Значит, завтра у ворот, – сказала Анриэтта. – Нужно собрать вещи...

– Матушка соберет. Она уж знает, что надобно. Что вам, красавицы, привезти? Еще книжек? – спросил Ивашка. – Если добежим до Шавлей или Поневежа, могу заглянуть в лавки. Вы только бумажку дайте – чего купить.

– Хорошего мыла! Румян! Белил! – наперебой заговорили женщины. – Здешними румянами только заборы красить! Бальзамы для губ! Пудру, самую дорогую пудру!

– Напишите, не то забуду!

Со смехом и шутками подруги составили для него список, Ивашка в это время, встав на лавку, высунулся в высокое окошко и громогласно призывал деда Авдея: дед наверняка сбежал к соседу, деду Илье, и засел в соседском саду, в тени, клянет нынешнее развратное время да потягивает холодный квас, а ему нужно баньку топить.

Криками Ивашка невольно разбудил сына. Дитя захныкало. Дениза выхватила Митеньку из колыбельки, отвернулась, села на стул, Анриэтта помогла ей высвободить грудь из длинного разреза рубахи. Кормление младенца казалось Ивашке таким делом, что нехорошо на голую

грудь тарашиться, непристойно. Он вышел из горницы и отправился к матушке, присмотреть за укладкой дорожного мешка.

Его догнала Анриэтта.

– Я не могу здесь больше оставаться! – воскликнула она. – Я люблю Денизу, она мне как сестра! Больше, чем сестра! Но если я здесь останусь – я сойду с ума, я разобью себе голову об стену!

Что-то такое Ивашка уже подозревал. И даже сообразил, чего хочет эта женщина.

– Но мы ведь не в большие города поедem, – сказал он. – Мы, может быть, найдем этого дурня где-нибудь в Ковно, пьяным и довольным. На что тебе Ковно, сестрица?

– Мне все равно, куда уехать. Для меня главное – уехать отсюда. Меня эта жизнь убивает! Скажи господину Башмакову: я знаю языки, я умею вести себя в обществе, я знатная дама, наконец! Я могу найти знакомых в любой европейской столице, кроме Парижа, – туда мне сейчас ехать нельзя. От меня возможна польза! Что угодно скажи ему – только увези меня отсюда!

– Он меня выставит в тычки... – пробормотал Ивашка.

И вдруг его осенило.

Живя в Царевиче-Дмитриево, Дениза и Анриэтта несколько раз беседовали с Воином Афанасьевичем. Почему воеводский сын искал этих бесед, Ивашка понимал: с московскими девками и бабами говорить ему, образованному и многознающему, не о чем, с лифляндскими мещанками также – они от москвиток только тем отличаются, что в любом возрасте волос под убрусами и киками не прячут да стан поясами перехватывают, являя взору все его округлости. А Дениза с Анриэттой знают даже тонкое придворное обхождение, они много книг прочитали, французские стихи наизусть и нараспев произносят, в шахматы играют. Может, Анриэтта найдет те разумные слова, которые нужны, чтобы воротить беглого Войнушку? Одно дело – если европейские нравы будет клясть он, Ивашка, а другое – если особа, побывавшая и в Париже, и в Антверпене, и в Лондоне, и в Брюсселе. Ей-то он скорее поверит.

И про иезуитов она лучше расскажет.

– Я попробую, – пообещал Ивашка и поспешил в Кремль. Приказы и вообще трудятся допоздна, а Башмаков так просто живет там, где служит, потому что в любую минуту может понадобиться государю.

О том, чем занимался Приказ тайных дел, разные слухи ходили. Сперва он заведовал государевыми забавами – главным образом охотой. Было и такое – Алексей Михайлович задумался о предсказаниях погоды и ее тайных закономерностях. Для начала он велел Приказу тайных дел каждый день записывать состояние погоды за окном: ветрено ли, дождливо ли, светит ли солнце. Таких записей набралось немало столбцов, но в конце концов государь к изучению погоды охладел.

Но потом стало понятно, какую пользу может принести Приказ тайных дел, и туда стали стекаться самые разнообразные сведения. Ивашка, служа в Посольском приказе и допоздна торча над переводами, немало любопытного узнал, даже не особо прислушиваясь к тому, что творилось за окнами.

Башмаков был занят, пришлось ждать. Ивашка вышел на Соборную площадь и задумался, в котором храме поставить бы свечку Николаю-угоднику об успехе погони. Он выбирал между Архангельским и Успенским соборами.

Соборная площадь, как всегда, была пестра и шумна. Дворы в Кремле имели многие – и боярин Мстиславский, чьи владения от поперечного строения приказного здания, выстроенного «покоем», отделял лишь переулок, и безымянный нищий, чья черная избенка площадью в квадратную сажень, приткнувшись за Успенским собором, едва не сползала по склону к самой стене. Кроме кремлевского населения, кому сам Бог велел молиться в здешних храмах, прибегал на службы посадский люд, приходили сменившиеся с караула стрельцы, царские

богомольцы и богомолицы, странствующие монахи и монахини, собирающие в особые ящички деньги на свои обители. Тут же, у самых дверей, ссорились нищие, выкликали невнятные пророчества юродивые и громко предлагали свои услуги безместные подьячие, готовые за пятак, отведя безграмотного просителя в сторонку, навалить прямо на колене любую клязу в любой приказ.

Именно эта суматоха и пестрота нравились Ивашке – он тосковал по просторной Москве, глядя из окошек кокенгаузенского замка на узкие улочки крошечного Царевиче-Дмитриева, тосковал по нарядным и бойким москвичам, беседуя с чинными и благопристойно одетыми немцами, чьи черные, коричневые или темно-синие одежды наводили на мысли о монастыре, постриге и схиме.

Ивашка поставил свечу в две копейки в Успенском соборе и помчался караулить Башмакова. Наконец ему удалось пробиться к дьяку и рассказать ему про Анриэттину затею.

– Не так уж и глупо, – сказал Башмаков. – И впрямь – может к знатым людям в доверие войти, а для того должна быть хорошо одета. Денег для нее я дам. Только как же ты ее пове- зешь? Это ж придется седло с креслом немедленно искать, а времени у нас нет.

– Она по-мужски ездить умеет, – ответил Ивашка. Седло с креслом хорошо для приез- жей боярыни, когда в апрельскую распутицу ей непременно нужно попасть в Кремль, в Верх, поздравлять с именинами царицу Марью. На Москве по весне и по осени такое грязево, что в колымаге или в каптане лучше со двора не выезжать. Анриэтта и Дениза, выполняя поруче- ния кардинала Мазарини, случалось, надевали мужскую одежду и садились в мужское седло, Ивашка знал об этом от жены.

– Отчаянная баба, – хмуро сказал на это Башмаков. – Но вы ведь быстро поедете, не выдержит.

– Она так хочет из Москвы убраться, что выдержит.

– Чем ей Москва не угодила?

– Скучно ей тут.

– Ин ладно. Бери ее с собой. Только нужно ее в кафтан нарядить, мужскую шапку ей дать, порты, сапоги, все, что полагается. Не поедет же она, задрав подол.

Ивашка чуть не хлопнул себя по лбу. Времени – в обрез, а нужно мчаться в Замоскво- речье, везти Анриэтту на торг, в ветошный ряд, где можно выбрать и порты, и кафтаны любой величины, правда ношенные.

– Возьми бахмата на конюшне, – велел Башмаков. – Утром приведешь, получишь дру- гого.

Глава четвертая

Велено было Ивашке, Анриэтте, сопровождавшему их конюху Семейке Амосову, а также двум конным стрельцам нестись во весь дух в город Крейцбург. За вчерашний день были приготовлены подставы в Истре и Волоколамске, а вот в следующий раз менять коней пришлось бы уже во Ржеве, и для того Ивашку снабдили грамоткой к ржевскому воеводе.

Анриэтта очень давно не ездилась верхом, и ей казалось, будто тело легко вспомнит прежние навыки. Но сытая и мирная московская жизнь на пользу телу не пошла. Пока отряд добрался до Волоколамска, где велено было ночевать, она совсем измучилась.

Права была Дениза, упрашивавшая, умолявшая остаться.

– Мы ведь больше не увидимся! Ты понимаешь это? – твердила Дениза.

– Клянусь тебе, я вернусь! Ты же слышала, что сказал твой муж. Через полтора месяца мы снова увидимся. Я должна уехать отсюда хоть ненадолго, иначе я не выдержу...

Все это Дениза понимала. И все же не хотела отпускать подругу. В конце концов обе расплакались.

И вот, укладываясь на лавку в горнице воеводского дома, Анриэтта начала разговор со своей совестью. С одной стороны, она оставила Денизу с детьми там, где есть помощницы. С другой стороны, и Дениза ведь скучает в Москве, и очень далек тот день, когда в этом богоспасаемом граде появится первый театр и образуется светское общество.

Ивашка с Семейкой и стрельцами преотлично устроился на сеновале над конюшней. Но на душе у него было беспокойство, и он ночью прокрался к Анриэтте. Она, полежав и насладившись расслабленностью тела, стала растирать ноги.

– Может, тебе, сестрица, вернуться? – осторожно предложил Ивашка.

– Нет. Я справлюсь.

Вспомнив, что с седла Анриэтту снимали, как мешок с репой, и примерно так же затаскивали в горницу, Ивашка только хмыкнул. Первое, что пришло на ум, было из церковного лексикона: умерщвление плоти.

В ночь из Волоколамска увели лошадей для следующей подставы.

К счастью, Афанасий Лаврентьевич, заботясь о том, чтобы посылаемые им к государю и государем к нему гонцы мчались как можно скорее, занимался и устройством ямов, где меняли лошадей ямщики. Но ямская гоньба по колдобинам могла и на тот свет отправить, недаром же веселые ямщики, устраивая седоков в своих повозках, говаривали: «Тело доведу, а за душу не ручаюсь!» Зимой, по гладким накатанным дорогам, ездить на санях было сподручнее, но летом быстрее было добираться до нужного места верхом.

Упрямая Анриэтта держалась в седле только невероятным усилием воли.

Так и добрались до Крейцбурга.

Велено было отыскать на берегу Двины Островную корчму – место, где отдохали плотогонны и струговщики по дороге в Ригу. Плотов действительно шло столько, что по ним, наверно, можно было бы перебежать с берега на берег, не замочив ног. После завершения военных действий торговля оживилась, и купцы старались наверстать упущенное.

Остров возле городка действительно имелся – шириной не более полуверсты. Он был необжитой: летом плотогонны, вздумав пожить пару дней на суше, ставили шалаши, а зимой он никому не был нужен, разве что заглядывали в корчму те путешественники, что предпочитали ехать в санях по речному льду.

Оставив лошадей на берегу, под навесом у местного кузнеца, державшего еще и такой промысел, москвиты нашли лодку и переправились на островок.

В Островной корчме, к счастью, звучала и русская речь, и та, которая в ходу у жителей Белой Руси. Опытный Семейка живо завел знакомства, и вскоре корчмарь отдал ему грамотку для московитов.

Грамотку писал Арсений Петрович Шумилов, и в ней было велено, перейдя на левый берег Двины, спешить в городок Селбург.

В Селбурге найти московитов было несложно – о том, что они сидят в полуразрушенном замке и туда им привозят донесения егеря курляндского герцога, знали все местные жители.

Едва живой городишко сто лет назад успел побывать столицей Курляндии, но после того, как герцог Готард перенес столицу в Митаву, Селбург стал приходить в упадок. В придачу его много лет назад разорили поляки и сожгли замок, восстановили его уже шведы. Но оживить город не удалось – хотя бы потому, что многие жители перебежали в Митаву. Так он и стоял на отшибе, не слишком нужный герцогу Якобу, пока у Ордина-Нащокина не возникло подозрения, что именно через Селбург поехал его сын на поиски неведомо чего.

Герцог Якоб отнесся к беде с сочувствием. Увлекаясь охотой, он до войны держал немалый штат егерей, и вот тем, что остались, было поручено, пройдя лесными тропами и безлюдными дорогами, опрашивая крестьян и местных помещиков, напасть на след воеводского сына. А у него ведь и кроме поисков беглых московитов своих забот хватало.

Якоб совсем недавно вернулся из шведского плена.

Он с семьей прожил почти год в небольшой крепости, понятия не имея, что творится в мире. Но тут-то Якоб и показал характер – недаром в роду у него были неслгибаемые рыцари Ливонского ордена. Он твердо отказывался признать верховную власть Швеции, хотя шведы уже заняли всю Курляндию и разграбили его любимый Гольдинген.

В это время курфюрст бранденбургский сообразил, что шведам Польшу никак не удержать, уж больно зол на них народ, и перешел на сторону Яна-Казимира. Курляндское население, опомнившись, стало собираться в отряды и готовилось к народной войне. К Курляндии шли с литовской стороны и польские, и бранденбургские полки. Шведам приходилось отступать, так что остался у них только замок Бауск.

В ход истории вмешалась смерть. Сперва был заключен Оливский мир, по которому восстанавливалась прежняя граница между Польшей и Швецией, но Швеция получала Лифляндию и Эстляндию, а потом, в самом начале тысяча шестьсот шестидесятого года, Карл заболел воспалением легких и в ночь с 12 на 13 февраля скончался.

Чтобы обрести свободу, Якобу пришлось подписать акт о том, что он признает условия мира и не будет мстить Швеции. И он не торопясь отправился с семьей в Курляндию. 25 июня тысяча шестьсот шестидесятого года он под гром пушек въехал в Ригу. Граф Дуглас, ставший военным губернатором Лифляндии и Эстляндии, с большим почетом принимал своего бывшего пленника в Рижском замке. После чего Якоб поспешил домой.

Дома он нашел сплошное разорение, даже жить на первых порах ему было негде. Но к нему стекались и дворяне, и крестьяне, он был полон решимости восстановить разрушенные заводы, мануфактуры и верфи, строить новые корабли. Поселившись в Гробине, в десяти верстах от Либавы, он стал оттуда руководить возрождением своей Курляндии.

Ниже Крейцбурга по течению река сужалась, делалась порожистой, течение ускорялось, пороги перегораживали русло от берега к берегу, и провести плоты было мудрено. Чтобы переправиться, следовало подняться малость выше по течению. Там наняли большую лодку, чтобы перевезти лошадей.

Семейка Амосов, доставив путников к переправе, сказал Ивашке:

– От Крейцбурга до Селбурга хорошо коли верст двадцать, и без меня доберетесь. А я – в Царевиче-Дмитриев, доложу, что сбыл вас с рук. И стрельцов забираю. В корчме сидит герцогский лесник, третьи сутки пьет, но память еще не пропил. Возьмешь его с собой, ука-

жет дорогу. Потом сдашь его герцогским людям, пусть отвезут к хозяину. Теперь там каждый человек дорог.

– А налетчики? – боясь, что лесная дорога может привести в могилу, осведомился Ивашка.

– Чего они там забыли? Местность пустынная. Может, кто-то один в седмицу и проедет – при кошеле с деньгами. Там еще не скоро жизнь наладится. Крейцбург этот – на отшибе, он только плотогонам и струговщикам нужен. Наш лес герцогу ни к чему – у него свой имеется. А что до иного товара – дай ему опомниться...

Старый Селбургский замок оказался на берегу Двины и имел жалкий вид. Он стоял на невысоком холме, имел две большие круглые башни, а с севера к нему пристроили форбург, где можно было жить в обычных теплых домах, а не в каменных холодных сараях, которые хоть бревнами зимой топи – не протопишь. Но жилые здания, как и стены замка, были разрушены, причем рушили их поочередно то поляки, то шведы, а башни уцелели.

В башне Ивашку ждали Арсений Петрович Шумилов и друг Петруха, а с ними – двое казаков и шумиловский старый дядька Клим Ильич. Ждали они только Ивашку, и Петруха, высмотревший в башенное окно подъезжающих всадников, был очень удивлен, когда одним из них оказалась Анриэтта.

Дорога ей далась тяжело, но она не жаловалась.

Петруха, выбежавший во двор, который и двором-то было трудно назвать, поскольку почти не огорожен, уставился на Анриэтту, даже рот у него сам приоткрылся.

Он видывал эту женщину во всяких нарядах, и в темной, с белым покрывалом, одежде бегинки, и в бархатном платье, и в мужском кафтане. И время от времени приходила ему в голову мысль: а неплохо бы... Баба пышная, почти дородная, на личико пригожая, вдова, должна же она хоть иногда тешиться запретной сладостью. Но Анриэтта уже ничего такого не хотела, и по весомой причине. С ней произошло то самое, что с крестьянской избой, в которой завелись тараканы.

Хотя тараканы, сказывают, заводятся к добру и приносят удачу, могут они надоесть хуже горькой редьки. Тогда мужик зимой со всей семьей на пару деньков перебирается к соседям, а свой дом оставляет с дверями нараспашку. И чем морознее зима, тем лучше – тараканы не выносят холода. Отсутствие мужского внимания, отсутствие необходимости добиваться этого внимания, а также отсутствие дурных мыслей, связанных с ремеслом лазутчицы, несколько очистили Анриэттину душу.

Она не думала, что так обрадуется, увидев Петруху. Это была неожиданно для нее совершенно чистая радость – как если бы приехала к брату.

– Батюшки-светы! – воскликнул Петруха. – Это для чего же?

– Башмаков велел, – вместо Анриэтты ответил Ивашка. – Для пользы дела. Петруха, у вас тут бабы есть? Воды надо нагреть, постель приготовить... Вот же басурмане эти немцы – бань не строят...

– Баб нет, да мы найдем.

Петруха понимал, что к Анриэтте хорошо бы приставить женщину для услуг, да и поселить ее не в развалине, а в чьем-то чистом доме, если только такой найдется поблизости.

– Где господин Шумилов? – спросила Анриэтта, не соскочив, а скорее сползла с коня.

– Вон в той башне. Мы там поселились, там хоть крыша цела... Ильич, Ильич! – закричал Петруха. – Сейчас Ильич примет, все устроит...

Семейка так приторочил к седлу дорожный мешок Анриэтты, что она не могла сама распутать узлы.

– Это мы разом! – и Петруха, выдернув засапожник, перерезал веревки. Мешок рухнул наземь. Анриэтта, зная, что московиты неспособны к галантности, сама за ним нагнулась, но

нагнулся и Петруха. Так вышло, что он схватил ее за руку, – и сам растерялся, хотя хватать женские руки, и не только, ему доводилось часто.

– Невесту тебе я не сыскал, – доложил Ивашка. – Что-то свахи все каких-то образин предлагали, я их пересмотрел с дюжину. Спаси и сохрани! Ты бы за такую невесту пришиб меня до смерти.

– Я и без невесты найду, за что тебя пришибить! – с тем Петруха, оставив мешок лежать, выпрямился и, что было дури, хлопнул Ивашку по плечу. Ивашка ответил тем же, и они с радостным хохотом стали мутузить друг дружку, соблюдая при этом меру.

Анриэтта сама потащила мешок к дверям башни. Там ее встретил Клим Ильич, сразу не признал, а признав, обрадовался. Забрав мешок, он сразу повел Анриэтту по крутой и узкой лестнице во второе жильё башни, где расположились москвиты.

Арсений Петрович Шумилов тоже не ждал от Башмакова такого подарка. Он как раз сочинял благодарственное письмо герцогу в Гробин, хотя благодарить пока было не за что – егеря на след Ордина-Нащокина-младшего и Васьки Черткова не напали. Оставалось только удивляться тому, что человек, исполненный исключительно книжной премудрости, которого и на охоту было не выманить, так ловко скрылся от возможной погони.

Если он и удивился появлению Анриэтты, то внешне этого не показал.

– Как вы сюда попали? – спросил он неприветливо.

– Меня прислал господин Башмаков. Если ваш беглец принят в замке какого-то знатного человека, мне удобнее туда попасть, чем вам. А если он в Кракове или в Варшаве – тем лучше.

– Странное у вас понятие о благе.

– Польских знатных господ я не знаю – разве что тех, с кем случайно встречалась в Париже до замужества. А польскую королеву я знаю, да и она меня вспомнит. Возможно, меня вспомнит и господин Радзивилл – когда-то я ему очень понравилась.

– Который из Радзивиллов?

– Тот, что служил французскому королю и жил в Париже. Имя у него такое странное... Я знаю, что он воевал за Францию и что кардинал Мазарини назначил его генерал-полковником иностранных французских полков.

– Богуслав Радзивилл?

Шумилов знал польских вельмож и их подвиги, потому что сам и переводил, и читал переведенные другими толмачами донесения о польских делах.

– Да, именно это имя.

– Я бы не стал хвалиться ухаживаниями такого кавалера.

Анриэтта не знала, что Богуслав Радзивилл с двоюродным братом Янушем немало способствовали началу войны между Россией и Швецией. В пору знакомства с Радзивиллом она была очень молода, политика ее волновала куда меньше, чем плохо отутюженный воротничок и шалости таких же юных соперниц. Потом, живя в Англии, она даже не вспоминала красивого кавалера – все тогда переплелось страшным образом, война с любовью, любовь со смертью...

А вот Шумилов знал, что оба Радзивилла стакнулись со шведами, чтобы предотвратить захват русским войском земель Речи Посполитой. Они затеяли и навязали своей стране Кейданскую унию, по которой Польша и Швеция становились единым государством. После этого поляки называли их не иначе как предателями. Хорошо или плохо, что москвиты не взяли эти земли, хорошо или плохо, что русский царь объявил войну шведскому королю, тогда и впрямь трудно было понять.

Януш Радзивилл вскоре после заключения Кейданской унии умер, и это стало чуть ли не праздником для поляков, а Богуслав вскоре помог наладить союз между Речью Посполитой и курфюрстом бранденбургским, направленный против шведов. Может статься, не столько он играл первую скрипку, сколько ловкий курфюрст Фридрих-Вильгельм сумел его грамотно использовать. В конце концов король Ян-Казимир простил Богуслава и послал его воевать со

шведами. По странному стечению обстоятельств именно Богуслав Радзивилл, ведя солдат курфюрста, отбил у шведов Либаву и тот самый Гробин, где теперь устроился и явно собирался зимовать герцог Якоб.

– Я не хваюсь, – возразила Анриэтта. – Я просто считаю, что, ежели ваш беглец оказался в Польше и прибил к королевскому двору, Радзивилл может быть вам полезен. И я могу быть полезна, потому что в свите королевы Марии-Луизы много французов – и дам, и кавалеров. Там наверняка найдутся старые знакомые. А если не найдутся, я заведу новые знакомства, это я умею.

– Я же считаю, что до Польши он не доберется, – возразил Шумилов. – Их двое, у герцогских егерей есть их приметы. Им предстоит проехать по меньшей мере двести верст, чтобы попасть из Крейцбурга хотя бы в Шавли или Поневеж. Путешествовать они не умеют – до сих пор Воин Афанасьевич ездил только под охраной. Заводных лошадей они взять не догадались. Местность, которую им предстоит преодолеть, после войны разорена, за кусок хлеба с них спросят столько, сколько в мирное время – за пирог с осетриной. Я дал егерям денег, они вскоре привезут к нам этих перебежчиков. Остается только молить Бога, чтобы егеря нашли их не слишком поздно. В здешних лесах водятся волки и кабаны, а Воин Афанасьевич плохой охотник. Сейчас у свиной подрастают поросята, и Боже упаси тронуть поросенка. Кабан может клыками распороть человеку живот снизу доверху.

Похоже, он сказал это, чтобы вызвать у женщины отвращение и страх.

– Да, я видела такое однажды на охоте, – безмятежно ответила Анриэтта. – Но вашим перебежчикам может просто повезти – они доберутся до усадьбы, которая не слишком пострадала в войну, заплатят, и им дадут провожатого. Вы не пытались понять, что было на уме у господина Ордина-Нащокина-младшего? Как он отзывался о Польше? Может быть, он хвалил какою-то другую страну?

– Нет, об этом я ничего не знаю, – хмуро ответил Шумилов.

Он по натуре был замкнутым и нелюдимым, а когда пришлось поселиться в Царевиче-Дмитриеве, совсем одичал. Не то чтобы он не ладил с Афанасием Лаврентьевичем... Ладил, как же иначе – с начальством ссориться негоже. Но дружбы не получилось. Так уж неудачно совпало: Ордин-Нащокин был деятелен, всюду совал нос, все ему было любопытно, и он слал письма напрямую в Приказ тайных дел, а что в тех письмах – бог весть; Шумилов же хорошо исполнял свою работу, от поручений не отказывался, но и не просил их, был человеком старой выучки, хотя на двадцать лет моложе Афанасия Лаврентьевича, и к тому же подозревал, что в тайных письмах начальника имеются жалобы на Посольский приказ и на него самого, поскольку он в этом приказе числился.

С Воином Афанасьевичем он тоже не дружил. И теперь лишь понял, что напрасно, – воеводский сынок изнывал от тоски в Царевиче-Дмитриеве, он нуждался в русских приятелях и собеседниках, а если бы такие у него были, может, и не восторгался бы всем заморским, не заводил разговоров со всяким иноземцем, которого нелегкая приносила в кокенгаузенский замок...

– Где вы прикажете мне поместиться? – спросила Анриэтта. – И велите кому-нибудь нанять мне женщину для услуг.

– Вы зря приехали, – ответил Шумилов. – Мы этих двух и без вашей помощи скоро изловим. Они, статочно, сами скоро выйдут из лесов, голодные и грязные. А как вас отправить обратно, я даже не представляю.

– Не надо меня никуда отправлять. Если я вам совершенно не нужна, я поеду в Варшаву или в Краков к королеве Марии-Луизе, – отрубил Анриэтта. – У меня с собой довольно денег. Только благоволите приказать, чтобы мне нашли провожатых. Доехав до первого же города, хоть до Бауска, я куплю экипаж.

– В Бауске шведы, – злорадно сообщил Шумилов и хотел добавить еще что-то язвительное, но мудрая мысль его осенила: ведь Башмаков мог отправить Анриэтту с каким-то поручением, о котором она молчит и будет молчать, а помощь в поимке беглецов постольку, поскольку она вообще оказалась в тех краях, где они пропали.

Он исподлобья посмотрел на женщину.

До того он старался не встречаться с ней взглядом и вообще держался на расстоянии чуть ли не в пять шагов. То, что приходится разговаривать с женщиной почти на равных, угнетало москвитя. Даже с покойной женой он не мог говорить на равных: во-первых, муж – глава семьи, во-вторых, она была намного, на десять лет, моложе. То, что он любил свою Алену безмерно, ничего не меняло; впрочем, он бы немного удивился, если бы ему кто сказал, что это – любовь. Просто они сразу, с первой ночи, приросли друг к другу, и родилось такое доверие, какого он в жизни не чаял найти, даже не знал, что такое существует.

После смерти Алены он даже не понимал: сам-то жив ли?

И вот, хмуро глянув на Анриэтту, он поймал ее внимательный взгляд. И ему показалось, будто она его разглядывает, словно заморскую диковину: надо же, сколь причудливы эти москвиты...

– Какие усадьбы уцелели поблизости? – спросила Анриэтта. – Может, ваши перебежчики прячутся у кого-то из здешних баронов, а вам о том никто не докладывает.

– Для чего им там прятаться?

– Без всякой цели, просто с испуга. А бароны и рады устроить пакость хозяину Кокенгаузена.

– Да, – неожиданно для себя согласился Шумилов.

– Так вы прикажете устроить меня в замке?

– Прикажу.

Сказав это, Шумилов понял, что сию минуту состоялся поединок и он в этом поединке проиграл.

Потом было само устройство – Петруха сходил на соседний хутор, привел женщину лет сорока, знающую три десятка слов по-немецки, с трудом растолковал ей необходимость постелить постель и постирать одежду госты. Ивашка сбежал на колодец, сам принес несколько ведер воды. Клим Ильич расстарался – добыл в полуразрушенном форбурге лохань. Осталось главное – где поселить Анриэтту.

Москвиты приспособили для жилья круглое помещение внутри башни, с узкими амбразурами вместо окон; одно благо – что август на дворе и не нужно придумывать для этих амбразур деревянные ставни. Там они все и спали. Взятые с собой войлоки постелили на пол, укрывались долгополыми кафтанами. И нужно ли особое спальное хозяйство заводить, когда прибыли самое большее на седмицу? Когда в любую минуту может отыскаться пропажа – и вези ее, горемычную, в Царевиче-Дмитриев?

Шумилов, которого Афанасий Лаврентьевич отправил на поиски сына, взял с собой и конюха Якушку. Ему-то и было велено нагрести сена столько, чтобы спать на нем, как на перине. Где и как – это уж его, Якушкина, забота. Сенокос давно миновал, стога сметаны, так пусть бы отъехал версты на две и разорил стожок...

С самим помещением было хуже – Шумилов решительно не желал спать вместе с чужой женщиной. Но если во второе жилье башни вела какая-никакая узкая лестница, витая и с веревочными перилами, все ступени которой были целы, то забраться в третье мог только ловкий Петруха, с детства живя живший на судах и умевший бесстрашно карабкаться по вантам. Ее завалило летевшими сверху камнями и обломками какой-то древней мебели.

Анриэтта и сама не хотела спать вместе с мужчинами. Она с грехом пополам устроилась в форбурге, женщина-хуторянка принесла ей туда мешок-сенник, чтобы набить свежим сеном,

и полосатые одеяла, тканые из толсто спряденной шерсти. Но удалось вымыться – и на том слава Господу.

Утром Анриэтта уже чувствовала себя отлично. Ивашка на правах почти родственника принес ей состряпанный Климом Ильичом завтрак – миску казацкого пшеничного кулеша с салом.

– А хлеба у нас тут нет, – пожаловался Ивашка. – Испекли бы, да где печку взять?

– Я уже не понимаю, куда мы заехали. Какой город ближайший? – спросила Анриэтта. – Мне нужно одеться, как полагается приличной женщине.

И, видя в Ивашкиных глазах недоумение, пояснила:

– Не могла же я брать с собой из Москвы сарафаны, летники, однорядки и душегреи! Я сделала лучше – взяла кольца и дорогие вещицы. Их нужно продать и купить одежду. Заодно мы в городе достанем хлеб и что-нибудь еще.

– Город... Проклятые шведы все разорили... Здешние крестьяне уж так их клянут... – проворчал Ивашка.

Но Анриэтта страстно желала одеться, как подобает даме, и причесаться на самый модный лад.

Ей бы это удалось, если бы не прискакавший с утра крестьянский парень с запиской для московитов.

Записка была на таком исковерканном немецком языке и так коряво изготовленная, что Шумилов с Ивашкой, ее разгадывая, поневоле вспомнили затейное письмо, изобретенное покойным государем Михаилом Федоровичем.

Наконец им удалось понять смысл: человек, коего они ищут, был замечен в Либавском порту и, скорее всего, отплыл в неведомом направлении.

– Батюшки-светы! – воскликнул Ивашка. – Ну теперь – ищи ветра в поле!

– Но как он столь быстро оказался в Либаве? – удивился Шумилов. – Не зная дороги, не имея даже заводных коней?

– Темное дело, – сказал Петруха. – Но напасть на след только там и можно. В порту нам скажут, на каком судне он отплыл и куда оно побежало.

– Отлично! – обрадовалась, узнав эту новость, Анриэтта. – Там я наконец сменю гардероб и оденусь красиво! Ради этого можно хоть сутки не слезать с седла!

Глава пятая

Как Шумилов и предполагал, Ордин-Нащокин-младший и Васька Чертков заблудились. Они собирались добраться до Митава, оттуда в имение к курляндскому помещику, знакомцу Воина Афанасьевича, а помещик уже указал бы, как пробираться в Польшу. Если бы от Крейцбурга, где они переправились через реку, до Митава была прямая дорога, так бы и получилось. Но лесные дороги редко бывают прямыми.

Определять стороны света по солнцу, по звездам, по мху на древесных стволах они не умели, и даже если бы умели – Иван Афанасьевич, заехав непонятно куда, очень смутно представлял, к северу или же к западу будет эта самая Митава.

Можно было расспрашивать крестьян, но крестьяне, порядком напуганные войнами, при виде всадников в русских кафтанах и шапках, побросав сенные вилы и даже лошадей с телегами, убегали прочь, в овраги и в лес. Попытка въехать на хутор могла кончиться плачевно – в незваных гостей кидали камнями, а потом спустили псов. Словом, знакомство с европейским государством Курляндией чуть было в тот день и не завершилось навеки.

И получалось, что Митава вроде совсем близко, а поди до нее доберись. Получалось, что и здешних денег полон кошель, а купить ничего невозможно. А дорогу к имению своего знакомого Ордин-Нащокин-младший знал только от Митава.

Однако беглецам в конце концов повезло – они встретили бродячего торговца.

Это был мужчина лет тридцати пяти, загорелый, белозубый, в шведских драгунских тупоносых ботфортах, в коротеньком льняном кафтанишке, в льняных же серых портках, что по случаю августовской жары очень удобно, туго перепоясанный и с целым ларем за плечами. Он, ведя за собой кобылку, тоже немало нагруженную, шагал по дороге, распевая немецкую солдатскую песенку с лихим, хотя и загадочным, припевом «Шингдерасса, бумдерасса, бумдерасса-са!»

Услышав немецкую речь, Воин Афанасьевич пустил усталого коня, что плелся шагом, рысцой, и устремился к торговцу.

– Митава? – удивился торговец. – Но вы, господа, совсем в другую сторону ехали, вы направляетесь от Бауска к Бальдону. Уверены ли вы, что вам нужна Митава?

– Да, уверены, – отвечал Воин Афанасьевич, а Васька, разбиравший по-немецки через девять слов десятое, кивнул.

– Коли угодно, я провожу вас до того места, откуда дорога на Митаву, – предложил торговец. – Если вы те гости, что ехали в Митавский замок из Кокенгаузена, то вам там будут рады.

– Нет-нет, нас там не ждут, – торопливо ответил Воин Афанасьевич.

– Так, может, вам и в Митаву ехать незачем? – предположил торговец. – Я слышал, там должны появиться два московита, а ведь вы московиты, если судить по виду? Вы ведь не поляки, платье на вас не польское.

– Батюшка предупредил герцога, – по-русски сказал Черткову Ордин-Нащокин-младший. – Сдается, нас теперь по всем дорогам ищут.

– В Польшу нужно убираться! – воскликнул Васька.

– В Польшу-то в Польшу... Кабы мы сразу до Митава доехали, то оттуда бы в Гольдинген, в порт, и поминай как звали. А все ты! Влево забирай да влево забирай! – передразнил Ваську Воин Афанасьевич. – Вот и потеряли время!

Торговец глядел на странных путешественников с откровенным любопытством.

– Если вам нужен проводник, так я к вашим услугам, – сказал он. – Иначе вы до Судного дня будете блуждать по здешним лесам и пугать поселян.

– Что он толкует? – забеспокоился Чертков.

– Толкует, что можем нанять его в проводники. Вот только куда ехать?

– В Польшу!

– В литовские земли, они, как я понимаю, близко, – тут Воин Афанасьевич перешел на немецкую речь. – Ты можешь проводить нас до ближайшего литовского города?

– Проводить несложно. Только мне кажется, что вам литовский городишко ни к чему. Вы ведь на самом деле в Варшаву пробираетесь, – спокойно ответил торговец. – Вы можете меня не опасаться, я в чужие дела нос не сую. Я только знаю, что вас ищут. А если заплатите, помогу выпутаться из передраги. Мне ведь все равно, что вы натворили. Человека убили, девицу опозорили – не мое дело, понимаете? А мое дело – взять с вас горсточку полновесных талеров. За ваши деньги я выведу вас сперва к Добельну, минуя Митаву, потом к Фраузебургу, оттуда к Дурбену и от Дурбена – к Либаве. На этих дорогах вас искать не станут – никому и в голову не придет, что вы едете в Либаву. Искать вас будут на дорогах, ведущих в Шавли и в Поневеж. Я буду добывать вам пропитание, так что вас в пути никто не увидит, а потом в Либавском порту посажу на судно и отправлю в польский Данциг. Ну так как же? Готовы ли вы платить?

Воин Афанасьевич от такого стремительного делового предложения просто ошалел. Он перевел речь торговца Черткову, но тот увидел лишь одну опасность:

– Это как же? Мы морем поплывем? Да ни за что на свете! Сбесился ты, Войнушка, что ли, морем плыть?!

Ордин-Нащокин-младший хоть на речных судах немного поплавал – на тех, что строили возле Царевиче-Дмитриева. Его батюшка мечтал закладывать на Двине и морские суда – устроил же герцог Якоб свои верфи на реке Виндаве, и эти верфи оказались верстах в трех от устья, и ничего – суда прекрасно входили и выходили, Двина же и шире, и глубже Виндавы. Воин Афанасьевич волей-неволей побывал и на легких быстроходных стругах, чья малая, менее сажени, осадка позволяла входить в любые реки и озера, и на галерах, которые были чуть поболее хорошего струга, имели осадку почти в сажень, но при этом в носовой части у них была надстройка, а под надстройкой – куршейная палуба, на которой можно было устанавливать орудия.

А Васька Чертков разве что на лодке через Москву-реку переправлялся, и то ему плавание казалось страх каким опасным, ну как лодка перевернется и пойдешь на корм рыбам.

Воин Афанасьевич задумался. Если не считать Васькиного ужаса, мысль была подходящая – и тот товар, что он вез за пазухой, лучше доставить покупателю поскорее, а не ждать, пока вконец протухнет, и не мыкаться по лесам, пока посланные курляндским герцогом люди не изловят перебежчиков и не доставят их в Царевиче-Дмитриев.

Товар же был – государевы письма с наставлениями царевиче-дмитриевскому воеводе. Обстоятельства складывались так, что война, похоже, близилась к концу, умение Ордина-Нащокина вести переговоры государь оценил в полной мере, и эти наставления одному лишь Афанасию Лаврентьевичу предназначались, а никак не полякам, не шведам и не Якобу. Были они писаны затейным письмом, разгадать которое невозможно, – там каждая буква имела два, а то и три причудливых начертания, прорех же между словами не было вовсе. Ключ от тайнописи был в голове Воина Афанасьевича.

Кроме государевых писем за пазухой лежали и другие, не такие значительные.

– Но у нас других коней, кроме этих, нет, добрый человек, – сказал он. – Где взять других – не знаем, а до Либавы, я полагаю, не менее трехсот...

Тут он задумался, пытаясь перевести в голове русские версты в немецкие мили, и вспомнил, что миль этих существует несколько, о чем рассказывали иноземцы; поди знай, к которым привык торговец.

– Я берусь поменять ваших коней на других. Не бойтесь, я не конокрад, когда пойду к владельцу лошадей, оставлю в залог свой товар.

Торговец сдержал слово. Прежде всего он велел звать себя Герхардом. Затем часа через четыре привел к деревушке, посреди которой стояла церковь, велел ждать за околицей, а сам,

как видели Васька и Воин Афанасьевич, привстав на стременах, к той самой церкви и направился. В ограде стоял домик – надо полагать, жилище священника. Туда Герхард и вошел.

– Как ты полагаешь, католическая это церковь или лютеранская? – спросил Чертков.

– Да уж никак не православная...

Католиков в Курляндии жило немало. Для них строились герцогом церкви, а бывало, что население переходило в католицизм целыми приходами – сказывалась близость Речи Посполитой.

Герхард пробыл в домике не более получаса и вернулся довольный.

– У меня письмо к гравендальскому барону, – сообщил он. – Там мы оставим наших лошадей и мой товар, а возьмем других и оставим их в корчме на добельнской дороге, оттуда их заберут парни барона.

– А мы как дальше будем двигаться? – удивился Воин Афанасьевич.

– А у нас, с Божьей помощью, к тому времени уже будут другие лошади, – сказав это, Герхард перекрестился на католический лад.

– Откуда они возьмутся?

– Я бедный торговец, и все мое богатство – связи. Меня тут, в Курляндии, многие знают и доверяют мне свое имущество, потому что я честный человек, – с неожиданной высокопарностью заявил Герхард.

Так оно и вышло.

Станным было, правда, что и брамбергский помещик тоже дал лошадей по просьбе местного священника. Но выбирать не приходилось – Герхард выполнил обещание и вез Воина Афанасьевича с Васькой в Либаву довольно быстро.

Гробин объезжали большим крюком – чтобы не напороться на людей герцога.

– А теперь молитесь, чтобы ветер хоть ненадолго стих, – сказал он, когда уже подъезжали к порту. – Тут все лето дует. Не всегда суда могут так встать, чтобы к ним с берега лодки подошли. Трудно было найти менее удачное место для порта – без речного устья и хорошей гавани. Кто только выбрал эту длинную косу между морем и озером? Тут разве что рыбакам хорошо жить, у них лодки чуть не к самому берегу могут подойти. А торговым судам это мелководье шириной в две сотни шагов – хуже адской муки. Прости Господи...

Он перекрестился.

На рейде стояли три флейта и пинасс. Лодки, как и говорил Герхард, сновали между судами и молотом. На молу и на берегу шла бойкая торговля – рыбаки предлагали свежельвленную рыбу, пекари привозили еще горячий хлеб, матросы покупали свежие припасы и продавали свои морские диковины, здесь можно было приобрести и говорящего попугая, и мартышку, и бочонок английского пива, и сапоги из испанской кожи. Тут же стояли телеги с мешками – на голландский пинасс грузили курляндское зерно нового урожая.

– Узнаю, куда он собрался заходить, – сказал Герхард, указывая на стройный, непохожий на пузатый флейт трехмачтовый пинасс. – Было бы хорошо, если бы в Данциг.

Спешившись, он отдал поводья Ваське и побежал по молу.

– Да это целый дом! – воскликнул удивленный Васька.

Пинасс был более двадцати саженей в длину – таких домищ и на Москве нашлось бы мало.

– А ты думал...

– Ничего я не думал!

Воин Афанасьевич усмехнулся: Васька сказал чистую правду.

Занятный ему попался спутник в этом опасном путешествии. Васька был малограмотен, несколькими немецкими словам научился от Воина Афанасьевича и считал, что всю немецкую грамоту превзошел, жизни за пределами Москвы не знал вовсе, и, если бы оказалось, что Васька считает, будто пироги растут на деревьях, Воин Афанасьевич несколько бы не удивился.

Да и Москва для Васьки была довольно тесным пространством, ограниченным стенами Китай-города и Земляного города. То, что за стенами, уже было чуть ли не Сибирью. При этом Васька был всегда весел, дорожные неурядицы его не злили, он не ныл, не хныкал, ни в чем спутника не упрекал.

Оказалось, капитан пинасса действительно хочет зайти сперва в Мемель, потом в Данциг и оттуда идти к Копенгагену. Узнав об этом, Воин Афанасьевич задумался: не предпочесть ли Речи Посполитой Данию? Дания не разорена войной, датский двор в Европе не из последних, там можно прижиться, поступить на службу и уже оттуда путешествовать по всей Европе, побывать и в Лондоне, и в Париже. Он сказал об этом Герхарду.

– Мысль отличная, – согласился Герхард. – Я так и условлюсь с капитаном.

Васька, узнав про Данию, сперва не понял, о чем речь. Потом даже обрадовался. Про Речь Посполиту он знал, что страна разорена войной, а про Данию не знал вовсе ничего, только предполагал, что это мирное европейское государство, имеющее, как водится, короля.

Ордин-Нащокин-младший, понятное дело, знал куда больше. Поскольку батюшка растил его себе на замену, то и требовал, чтобы сын изучал отношения между странами. А отношения между Данией и Россией складывались прелюбопытные. Отчего-то именно с этим государством хотелось заключать династические браки. Сперва Борис Годунов, в бытность свою уже царем, вздумал отдать дочь Аксинью за брата датского короля Христиана – Иоганна Шлезвиг-Гольштейнского, посулив в приданое не более не менее как Тверское княжество. Помолвка состоялась, но жених внезапно скончался. Потом, при царе Михаиле Федоровиче, было задумано отдать замуж царевну Ирину Михайловну за датского королевича Вальдемара Кристиана, сына короля Кристиана. Королевич прибыл, начались переговоры об условиях, и вскоре оказалось, что жених не желает принимать православие. Союз же с Данией был необходим: поскольку других православных стран кроме России Михаил Федорович в Европе не знал, то решил подружиться со страной лютеранской, противопоставив этот союз католическим державам, в особенности Польше. Дания также охотно брала российскую пшеницу, а также в ходе брачных переговоров можно было уладить давний спор о лапландских землях. Государь и решил, что балованный и совсем молодой царевич, как боярышня, поплачет и пойдет под венец. Вальдемара задержали в Москве силой и, в сущности, посадили под замок. Он попробовал вырваться с оружием в руках – не вышло. Усилия датских послов тоже плодов не принесли, и Вальдемар обрел свободу только после смерти Михаила Федоровича.

Сейчас в Дании правил король Фредерик, и Господь благословил его кроме старшего сына-наследника шестью дочками. Старшая, Анна-София, была уже почти что девицей на выданье. У государя Алексея Михайловича что-то тоже все больше царевны рождаются, но есть и царевич Алексей, шести лет от роду, и государыня царица рожать еще не отказывается, может, и другие сыновья будут. В голове у Воина Афанасьевича, много слышавшего и читавшего о подготовке браков между знатными родами, образовалась мысль о союзе, в подготовке коего он бы мог принять участие. Он знал довольно о жизни русского двора и о российских порядках, датчанам это могло бы пригодиться. Но вот государевы письма... Нужны ли они датскому двору? Насколько Воин Афанасьевич знал, датские дела там не поминались – забот с Польшей, Швецией, Курляндией и Бранденбургом хватало.

Поскольку ему уже доводилось кататься по Двине на лодках, то он и не боялся путешествия от мола до борга пинасса «Минерва». Васька – другое дело. Его чуть ли не пинками пришлось в лодку стаскивать, и всю дорогу, все эти несчастные сто сажен, он под плеск весел громко молился.

Потом, с палубы, они втроем смотрели на Либаву. Палуба чуть гуляла под ногами, но Васька уже с ней освоился.

– Видите, ничего страшного. Пойду поищу капитана, – с тем Герхард скрылся где-то в недрах «Минервы».

Московиты, впервые увидевшие море и вдохнувшие морской ветер, молчали. Ощущение, что жизнь круто меняется, лишило обоих дара речи.

– Боязно... – вдруг сказал Васька.

Воину Афанасьевичу тоже было крепко не по себе. Только сейчас он уразумел, какую кашу заварил. Пока он блуждал в Курляндии, еще можно было в случае, если отцовские посланцы и люди герцога поймут, что-то наврать. Но выйти в море значило окончательно порвать связь с Московской.

– Ничего, Вася, – сказал он, скорее успокаивая себя, чем Черткова. – Мы же не к злодеям едем и не душегубствовать собрались. Мы собрались жить достойно! Не в грязи, не в простоте этой, не в грубости, а на иной лад – благородно, как благородным людям пристало. И батюшка сам говаривал: доброму не стыдно навывать со стороны, у чужих, даже у своих врагов.

– Так-то оно так...

Удобств для мореплавателей на пинассе было маловато – отдельного помещения московитам не дали, поместили в дальнем углу матросского кубрика. У них было два дня, чтобы обвыкнуться в таком новом и малоприятном месте. Герхард сперва попрощался, нажав множество успехов и удач, а взамен получив обещанные ему пятьдесят талеров. Потом, на следующий день, он приплыл в гости, привез большую корзину продовольствия.

– Это моя оплошность, – сказал он. – Я должен был позаботиться о том, чтобы вы не грызли матросские сухари.

Московитам это и не угрожало – сухари с червяками появлялись на матросском столе только в долгом плавании, а сейчас на «Минерве» все было свежее, только что доставленное с берега, и даже стояли на палубе клетки с курами – для капитанского стола.

В корзине оказались и бутылки с вином – причем вином странным. Это был голландский «брандвин», довольно крепкий; Герхард сказал, что хитроумные голландцы выучились перегонять обычное виноградное вино в этот головкружительный напиток, чтобы перевозка обходилась дешевле, а уж по прибытии бочек разбавлять содержимое водой, и оказалось, что разбавлять незачем – и так хорошо!

После пиршества на палубе московиты еле дотащились до кубрика, вместе с ними туда забрел и Герхард. А в ночь капитан по случаю попутного ветра распорядился ставить паруса, так что наутро «Минерва» была уже довольно далеко от Либавы.

Утром и Воину Афанасьевичу, и Ваське было сильно не по себе. Проснулись они до рассвета, и, к счастью, матросы догадались, что требуется двум позеленевшим московитам. Их дотащили до фальшборта и там с хохотом оставили.

Потом Васька с трудом растолкал Герхарда. Тот, осознав, что нечаянно уплыл в Мемель, смеялся чуть ли не до слез. При этом он чувствовал себя великолепно – как если бы морские плавания были ему не в диковинку.

– В Мемеле у меня есть знакомцы, найдется чем заняться, – сказал он. – А с моим товаром в Либаве ничего не сделается, я его у надежного человека оставил.

Поскольку ремесло бродячего торговца было московитам неизвестно, они и не задавали слишком тонких и глубоких вопросов.

Герхард, опекавший их всю дорогу, как опытная и ласковая нянька, бравший на себя все хлопоты, и в плавании был заботлив беспредельно. Он даже учил Ваську немецкому языку.

Васька Чертков вновь был беззаботен, как пташка небесная. При Ордине-Нащокине-младшем он чувствовал себя почти как за каменной стеной: воеводский сын, денег у него много, языками он владеет, в беде не бросит. И мысль о сказочных городах, где вольные нравы, веселье и приятное общество, книги не божественные, а светские и затейливые, грела его совсем еще детскую душу.

А вот Воин Афанасьевич сделался задумчив. Он вспоминал, как придворная молодежь с хохотом налетела на него, когда он ждал у крыльца государя. Молодежь вернулась с охоты, была

весела, не знала, куда бы еще выплеснуть свой восторг и свое возбуждение. А тут, извольте радоваться, торчит убогий, низкого рода, откуда-то из псковского захолустья, даже вотчины своей не имеющий, ему на царском пиру – место в самом конце длиннейшего стола, а их-то роды в Бархатной книге записаны! Когда он закричал на них от обиды, ему предложили сбежать на торг, купить там на три полушки поросячьего визгу. Все это произошло так быстро, что государь, как раз тогда сходявший с коня и отдававший приказания о добыче, не успел вмешаться. Да, потом государь прикрикнул на свою молодежь, да, он добр, и про то всем известно. Государь велел ему идти за собой, принял его, взял письма, расспросил о житье-бытье в Царевиче-Дмитриево, похвалил, но невдомек было государю, что творится в обиженной душе.

Воин Афанасьевич тогда явственно понял: что бы ни совершить, хоть Варшаву в конном строю взять, хоть Париж, в Бархатную книгу не попадешь, и всякий стольник, кого за знатный род в четырнадцать годков ко двору взяли и стольником сделали, будет вправе язвить и издеваться над худородным воеводой.

Имел ли он право предпочесть государство, где такие нравы царят, иному – более справедливому? Имел, имел!

И женщин там не запирают в теремах – над чем смеялись все иноземцы, с кем только не доводилось беседовать, и курить табак не запрещают, и книги печатают любого содержания!

Все горестные пакости московской жизни он вспоминал – и утверждался в мысли, что бегство было его единственным спасением.

К Мемелю подошли ночью. Там ждали пинасс купцы, желавшие отправить в Польшу груз здешних сельдей в бочках. Герхард спустился на сушу, пробыл в гавани часа три, вернулся и сообщил москвитам, что нанялся сопровождать бочки с сельдями. Им предстояло плыть через Гданьск и Копенгаген в Гетеборг. Также в трюм грузили зерно в мешках, тюки кож и ящики с копченой рыбой. Герхард из баловства стянул большую копченую треску и уговорил москвитов отведать добычи.

– Нежна, как лучшее коровье масло! На языке тает! Жевать даже не надо! – обещал он. Так, в сущности, и было.

– А верно ли, что в Европе постов не держат? – спросил Васька Воина Афанасьевича.

– У католиков какие-то есть, насчет лютеран точно не знаю. Вряд ли... – неуверенно ответил Ордин-Нащокин-младший.

– Так это что же? Круглый год можно будет такую рыбу есть?! Хоть каждый день?!.

Воин Афанасьевич невольно улыбнулся.

Он, понятное дело, соблюдал все церковные посты, но, задумывая побег, совершенно не учел и этой европейской радости: есть скоромное, когда душе угодно.

Следующим портом, где ошвартовалась «Минерва», был Данциг, который поляки называли Гданьск.

Там Герхард сразу потащил москвитов на берег. Стоянка намечалась долгая, и нужно было изведать все радости портового города. А город того стоил – яркий, нарядный, богатый и своенравный. В сущности, это и был первый европейский город, куда попали Ордин-Нащокин-младший и Васька Чертков. В свое время через него шла вся торговля польским зерном, доставляемым к гавани по Висле, и местные купцы, имея деньги на роскошную жизнь, охотно их тратили. Город входил в ганзейский союз, чья пора расцвета была позади, но торговые связи еще сохранялись. Этот город не отталкивал иноземцев, как Рига и Ревель, – в Ревеле местные власти как-то приняли забавный закон, по которому чужестранные купцы могли приезжать, жить сколько угодно, строить хоть дворцы, но с одним условием: чтобы в их домах не было печей. В Гданьск сбежались купцы и ремесленники из германских княжеств, Голландии, Англии, Швеции, даже из Италии приехали. Получился вавилон – на улицах звучала речь на многих языках.

Тут Васька впервые увидел, как на самом деле одеваются европейские женщины. С голыми грудями они не расхаживали и подолов прилюдно не задирали – так что немецкие печатные листы оказались лживыми. Но вот что его несколько примирило с длинными подолами – так это туго затянутый стан у большинства красавиц. В Москве такого и в заводе не было: считалось, что показывать перехват женского стана мужчинам – великий соблазн, и женщины подпоясывали только нижнюю рубаху, и то по древнему убеждению, что пояс бережет от нечистой силы. Поверх рубахи носили одежду длинную и немного расширенную к низу, так что иная боярышня на выданье, шествуя к храму Божию в многослойных нарядах, сильно смахивала на копну сена, о дородных боярынях и говорить нечего. Да что женские наряды – жупаны польской шляхты тоже были призваны подчеркнуть узкий перехват, если он у кого имелся. И даже на жупане из самого дешевого сукна были большие нашивки на груди из золотого галуна. Молодые шляхтичи щеголяли в узких портках и таких коротких доломанах, что, если поглядеть со спины, задница видна.

Герхард, который и тут успел побывать, повел московитов смотреть знаменитый костел Девы Марии, что на Мариацкой улице. Они, идя, ошалело таращились на высокие, в три и четыре жилья, дома с большими окнами, шепча друг дружке:

– Видал? А у нас-то...

На Москве такого и в заводе не было.

– Говорят, тут могут одновременно слушать мессу двадцать пять тысяч человек, – сказал Герхард, – мы можем зайти, если угодно.

Возник спор: может ли православный человек зайти в католический костел. Было страх как любопытно – и Герхард помог московитам решиться:

– Вы же там молиться не станете, посмотрите и уйдете.

И дальше он повел Воина Афанасьевича с Васькой улицами и закоулками, восклицая:

– А вот ратуша! А вот Двор Артуса – там, говорят, печь такой величины, что в ней плясать можно! А вот, глядите, фонтан Нептуна! А вот – нет, не дворец это, всего лишь ворота, Зеленые ворота...

Нагулялись московиты до того состояния, что ног под собой не чуяли, и это было прекрасно – они вели себя, как иноземцы, какие-нибудь парижане, осматривающие европейский город, открытый и гостеприимный, где нет заборов длиной во всю улицу и ворот, из которых выскакивают псы, натравленные на прохожего одуревшей от скуки боярской дворней.

– Переночевать можно в гостинице, – предложил Герхард. – Есть такие дома, где можно снять отличную комнату, кровати застелены чистым бельем. Поужинаем, выспимся, а завтра опять на прогулку, я же еще не все показал.

Московиты не знали, что такое гостиница. Москва обходилась без них – приезжающие или у знакомцев селились, или, поспрашивав расходящихся после вечерней службы людей, находили комнату или домишко, чтобы снять. На дорогах бывают постоялые дворы – это московиты понимали. Есть ямы, где ямщики меняют лошадей и ночуют, туда тоже можно попроситься, авось пустят на сеновал. В Курляндии обычное дело – корчма, даже с просторной конюшней, хотя спать придется на жесткой лавке, а то и на полу. Но чтобы посреди города стоял хороший дом и в нем люди жили на всем готовом – это им было чудно.

Кончились их гулянья предсказуемым образом – «Минерва» ушла, московиты остались в Гданьске.

– Как же быть? – растерялся Воин Афанасьевич.

– Я попробую догнать пинасс. В порту наверняка стоят другие суда, которым нужно в Копенгаген. Ничего с селедкой не случится... – горестно сказал Герхард. И по его лицу московиты поняли, что догнать «Минерву» уже невозможно.

– Видимо, судьба вам ехать в Варшаву. Я хоть коней купить помогу, – обещал приунывший Герхард. И слово сдержал – через два дня Воин Афанасьевич и Васька на крепеньких

бахматах тронулись в путь. Герхарду они дали на прощание пять талеров, чтобы хоть малость его утешить.

– Ничего, Речь Посполита – тоже Европа, – сказал Ордин-Нащокин-младший. – И я говорю по-польски, а по-датски нет. Что Господь ни посылает – все к лучшему.

Ехали они неторопливо, полагая прибыть в Варшаву в начале сентября.

Там их уже ждали.

И ожидание это началось дня за два до их приезда. Причем не в Варшаве, а в Кракове.

В дом ксендза Циховского, старого опытного священника, мастера религиозных споров, способного обратить в свою веру любого еретика, ночью явился гость.

– Простите, отец мой, что я в такое время, – сказал этот гость, войдя в крошечный кабинет, где ксендз засиделся дотемна, готовя новую проповедь.

– Ты пришел доложить, как выполнил поручение?

– Нет, отец мой, поручения я не выполнил.

– Как так?

– Сейчас расскажу.

– Садись, брат, и рассказывай.

– Я шел по Курляндии, навещая указанных вами священников, всюду встречал хороший прием, но случайно я узнал новость. Из Московии бежал сын воеводы кокенгаузенского. Это молодой человек, для москвитя довольно образованный – он знает немецкий и польский, а также латынь, учил французский, заведовал перепиской своего отца. Воевода просил помощи у герцога Якоба, тот разослал на поиски своих людей. Ясно было, что молодого человека ищут не ради его прекрасных глаз, а он увез какие-то важные бумаги. Господь был ко мне милостив – я повстречал двух заблудившихся москвитов и в одном узнал сына воеводы.

– Это не было ошибкой?

– Нет, отец мой. Они бежали, потому что больше не хотели жить в своей Московии. Когда они оба спали, выпив опиумной настойки, я обыскал их. Бумаги существуют, но они написаны шифром. Что в них – я не понял.

– Продолжай, брат.

– Отец Миколай, я подумал: русский, сын воеводы, который так враждебен своему государю и своему отечеству, может быть хорошим приобретением для ордена.

– Это верно.

– Я сделал все возможное, чтобы они попали под вашу опеку. Я вызвался быть их провожатым, плыл с ними из Либавы в Гданьск, и сейчас я опередил их, чтобы обо всем вам доложить. Этот сын воеводы попытается продать свои бумаги и будет искать себе покровителей при королевском дворе. Есть время подготовиться к встрече. Я научил их поселиться в гостинице на улице Длугой. Вот почему я не выполнил поручения и развез только четыре письма из десяти.

– Помолился ли ты, брат, перед тем как принять это решение?

– Да, отец мой, я долго молился. И смею думать, что Господь благословил мое решение – москвиты так ни о чем не догадались.

– Это хорошо, что они не догадались... Завтра я исповедаю тебя и отпущу тебе грех непослушания. А сейчас ступай – ты устал, брат, тебе нужно хоть немного поспать.

– Благодарю, святой отец, – и молодой иезуит поцеловал дряблую руку старого иезуита.

Глава шестая

В Либаве Шумилову довольно быстро удалось узнать, на каком судне отплыли Ордин-Нащокин-младший и Васька Чертков. Он отправил в порт Петруху – а Петруха нашел бы общий язык даже с моряками острова Мадагаскар.

В порту запомнили Черткова – он так орал, когда спустился в лодку, а лодка под ним заколыхалась, что мудрено было не запомнить, насмешил он портовый люд на славу.

– А та «Минерва» побежит сперва в Мемель, потом в Гданьск, потом в Копенгаген, потом на север, в Гетеборг, – докладывал Петруха Шумилову.

Они сидели во дворе, завернувшись в домотканые одеяла, довольно грязные, а рядом рыбачка, в чьем доме они остановились, стирала в лохани их исподнее. День был солнечный, портки и рубахи вскоре бы высохли на ветру и приняли тот замечательный запах чистого белья, который после баньки слаще медового. Рыбак, хозяин двора, был по здешним понятиям зажиточный, имел и хлев, и свинарник, и баньку. На нее была вся надежда – с самого Царевиче-Дмитриева, а Ивашка с Анриэттой с Москвы толком не мылись, а спали, не раздеваясь. Для людей, привыкших париться раз в седмицу, это было страх как неприятно.

Анриэтта – та сразу как-то договорилась с рыбачкой и получила ведро теплой воды и драную льняную простыню вместо полотенца. Потом она одолжила у рыбачки какие-то клетчатые юбки и пошла по лавкам.

– Ее дело бабье, – одобрил этот поход Петруха. – И не положено бабе в мужском ходить. В дороге, может, и ничего, Бог простит, а лучше бы в бабьем...

Ему хотелось увидеть эту женщину не в мужском кафтане, с волосами, кое-как убранными под шапку, и не в широких штанах, делавших ее неуклюжей.

– Гетеборг... – задумчиво повторил Шумилов. – Там ему, кажется, делать нечего.

– Если вздумал убежать как можно дальше, то и Гетеборг хорош, – возразил Ивашка, которому Петруха уже рассказал про этот город.

– Или Мемель, или Гданьск, или Копенгаген... – пробормотал Шумилов.

Ему очень не хотелось просить совета у Анриэтты.

Шумилов, имевший хорошую память на чертежи и карты, нарисовал прутиком на земле примерный план местности. От Мемеля шла довольно прямая дорога на Ковно. И далее можно было, сделав порядочный крюк, пробираться к Варшаве, если только целью беглецов была Варшава.

От Гданьска до Варшавы было куда ближе.

Но если Ордин-Нащокин-младший вздумал бежать в Копенгаген, то вряд ли этот город – конечная цель его путешествия. Там никому не нужны письма Алексея Михайловича к царевиче-дмитриевскому воеводе.

– Из Копенгагена он может отправиться в какой-то из шведских городов, объявить себя и снести со шведским двором, – сказал Шумилов. – Но письма безнадежно устареют. Задумывался ли он об этом?

– Кабы знать, что в письмах! – воскликнул Ивашка.

– Сам бы выпорол дурака плетью! – сердито брякнул Петруха. – А рука у меня тяжелая!

В разгар спора вернулась Анриэтта с немалым узором и, ни слова не говоря, направилась к баньке.

– Эй, эй! – крикнул ей вслед Петруха. – Первый пар для мужиков, бабы – потом!

Она даже не обернулась.

– Да ну ее... – скучным голосом сказал Шумилов. – Довезем до какого-нибудь города и избавимся, сама сбежит.

Это была некая ревность – нестерпимо знать, что женщина в каких-то мужских делах разбирается лучше мужчины. Шумилов, подъячий Посольского приказа, знал про европейские события немало – из писем, газет, донесений, присылаемых в приказ книг. Анриэтта же изъездила пол-Европы, выполняя поручения кардинала Мазарини, и знала то, о чем в книжках не пишут. Одна беседа о парагвайских иезуитах чего стоила...

Перебрав в пятый раз причины, по которым беглецы могли оказаться в Мемеле, Гданьске, Копенгагене и Гетеборге, московиты спохватились: что-то слишком долго француженка сидит в баньке, не угорела ли. За ней, объяснив на пальцах, в чем дело, послали рыбачку. Та вернулась, разводя руками: Анриэтты в баньке не было.

Оказалось – она незаметно выбралась оттуда и через калитку вышла прямо на морской берег. Там она отыскала заветренное местечко, чтобы высушить длинные волосы. И там же, в дюнах, переделалась.

Она решила, что скромное платье в голландском вкусе пригодится в любой стране. Поэтому выбрала синюю юбку с полосатой каймой внизу, белые чулки (взяла полдюжины пар!), сандалии на деревянной подошве, три белые сорочки, синюю кофту со шнурованием и с рукавами чуть ниже локтя, черную накидку до талии, две кружевные косынки – прикрывать вырез на груди. Косы она уложила и спрятала под маленький чепчик.

Юбка не прикрывала щиколоток, и Анриэтта с удовольствием смотрела на свои ноги – после растоптанных мужских сапог они казались ей совсем крошечными.

В таком виде она и явилась перед московитами.

Ивашка уже знал от Денизы, что носить пестрое в городах на побережье Балтийского моря не очень принято. Узнал он это после попытки купить ей дорогой летник с галунными нашивками, вышитыми вошвами и прочими украшениями, которые она сочла варварскими, хотя вслух этого не сказала. Денизе нравилась простота – лучше всего она себя чувствовала в наряде бегинки.

Петруха тоже знал, что немки и голландки одеваются скромно. А вот Шумилов, который после смерти Алены на женщин не смотрел вовсе, несколько удивился – ему казалось, что француженка должна разрядиться в пух и прах.

Чтобы не видеть ноги в белых чулках и голые почти по локоть руки, он мрачно отвернулся.

Анриэтта подошла и кротко сказала, что баня – к услугам господ московитов.

Господа московиты поднялись с чурбаков, на которых сидели, и Петруха осведомился, как обстоит дело с полотенцами. Оказалось – Анриэтта купила и полотенца. Небольшие, ну да выбирать не приходится.

Потом был скромный обед – жареная салака с хлебом, политый сметаной творог и на большой тарелке какое-то подозрительное темное мясо.

– Что это за птица? – спросил озадаченный Ивашка.

Позвали рыбачку – и, к счастью, оказалось, что «ворона» по-латышски звучит очень похоже – «варна».

– Тут что, ворон едят? – изумился Петруха. Выяснилось – едят, да еще как, целыми бочками заготавливают.

Блюдо отдали доброй рыбачке нетронутым.

И, поев, стали решать, как быть дальше.

– Плыть в Гданьск, – сказала Анриэтта.

– Но мы можем потратить в Гданьске время зря, – возразил Шумилов.

– Их надо искать там.

– Отчего вы так решили?

Анриэтта, прищурившись, поглядела на несговорчивого подъячего.

– Господин Шумилов, не показалось ли вам странным, что ваши перебежчики так скоро добрались до Либавы?

– Нет, не показалось, – упрямо возразил он.

– Господин Шумилов, вы очень образованный человек, но вы совершенно не знакомы с деятельностью лазутчиков. Два человека исчезли возле Крейцбурга и ненадолго показались в Либаве, где сразу же отплыли на пинассе. Между Крейцбургом и Либавой их никто не видел. Чтобы проехать незамеченными, нужно знать окольные дороги, а ваши перебежчики их знать не могли. И на дорогах не висят вывески «Либава – в той стороне». Скорость и незаметность – вам не приходит на ум решение этой загадки?

– Мне приходит, – сказал Петруха. – Только о таких делах и думать противно...

– Да, мой друг. Предательство всегда отвратительно, – согласилась Анриэтта. – Возле Крейцбурга ваших беглецов ждали со сменными лошадьми. Ваш конюх, господин Шумилов, может знать приметы их лошадей, на которых они ушли из Крейцбурга. Хотелось бы знать, на чьей конюшне сейчас стоят эти лошади. Может быть, это ключ к тайне побега.

– Они могли с кем-то из курляндцев сговориться, – предположил Ивашка.

– Могли, – согласилась Анриэтта. – И дай Бог, чтобы это оказался всего лишь курляндский помещик, вздумавший им помочь, чтобы устроить пакость господину Ордину-Нащокину. Но я боюсь, что все гораздо хуже. Я уже объясняла вам положение дел, господин Шумилов. В Курляндии немало иезуитов, главным образом тайных. Их цель не сама Курляндия, а Рига. Они проникают в Ригу всеми путями. Рижский магистрат знает это, кое-кого обезвредили, когда мы с Денизой там были. Не удивляйтесь, если окажется, что сапожник в Кокенгаузене, прибывавший подметки к вашим сапогам, – тайный иезуит. Скорее всего, господин Ордин-Нащокин-младший сам не знает, с кем связался. Я знаю, о чем вы подумали! Вы хотите скакать в Гробин, чтобы герцог отправил в Кокенгаузен ваше письмо.

Так оно и было.

– Это необходимо, – сказал Шумилов.

– Да, ваш начальник должен знать, что вы первым же судом отплываете в Гданьск. Только не просите его арестовывать всех кокенгаузенских сапожников! Это ведь может оказаться и аптекарь!

– Нужно все объяснить Афанасию Лаврентьевичу, – подал голос Ивашка. – Что сын сбежал по уговору...

– На кой? Чем позже узнает, тем лучше, – возразил Петруха.

– А если до государя дойдет правда раньше, чем до Афанасия Лаврентьевича? Пусть бы он упредил тех, кто пришлет донесения из Варшавы! Что-де пропажа нашлась, сынок сбежал по тайному уговору! А так бы он сам, первый, повинился, что за сынком не углядел! Государь в ярости скор, да отходчив, оплошку простит, вранье может не простить.

Слушая подчиненных, Шумилов молчал.

Если речь о предательстве, то при Ордине-Нащокине-младшем могут оказаться не только те письма, что он вез из Москвы, но и списки многих тайных бумаг. Если так, этот батюшкин сынок хитрее, чем все о нем думали. Так ловко рассчитать, где оторваться от своего отряда, так стремительно исчезнуть, – для этого, поди, нужно быть либо прирожденным лазутчиком, либо иметь советника-лазутчика.

– Добудь, Ванюша, перо с чернильницей и бумагу, – наконец сказал Шумилов. – Напишу письмо Афанасию Лаврентьевичу, Якушка отвезет. А ты, Петруша, беги в порт, узнай, какие суда уходят к Мемелю и Данцигу.

– На что нам Мемель?

По удивлению подчиненного Шумилов понял, что тот уже безоговорочно поверил Анриэтте.

– На то – все нужно проверить. Все!

– Трата времени, господин Шумилов, – тихо сказала Анриэтта.

Однако Петруха, который не мог ослушаться начальства, сговорился в порту с капитаном флейта «Голубь», построенного не так давно на виндавской верфи и еще не попорченного всякой морской нечистью.

Как и следовало ожидать, в Мемеле никаких московитов не видели или же не смогли отличить их долгополых кафтанов от польских жупанов. Потратив три дня на поиск следов, Шумилов велел искать судно до Гданьска. И там, в порту, вспомнили двух бородатых мужчин в странном платье и сопровождавшего их прислужника в шведских ботфортах. Удалось найти и человека, который знал, где они приобрели лошадей, и кузнеца, который этих лошадей перекочевал, и корчмаря, подметившего, что сперва уехали двое в русских кафтанах, а потом только их спутник, причем спутник где-то раздобыл очень хорошую лошадь.

– Ни черта не понять, – сказал, узнав эти новости, Ивашка. – Он их отправил в Варшаву, это ясно, а сам куда подевался?

Это даже Анриэтту несколько озадачило.

– Значит, едем в Варшаву, – решил Шумилов. – Только нужно купить польское платье.

– Наконец-то! – усмехнулась Анриэтта. – И не просто купить там, где продают подержанное платье, а нанять портного, чтобы подогнал. Иначе будете выглядеть, как будто в краденом. Хорошо бы еще бороды сбрить, а усы оставить.

– Опять?! – возмутился Ивашка. Им с Петрухой уже доводилось избавляться от бород в Курляндии, и воспоминания были отвратительные: так она себе растет и растет, только иногда подравнивай, а без нее – раз в два дня изволь скрести рожу бритвой!

– Придется, – поневоле согласился Шумилов. Чтобы выследить беглецов, нужно изменить внешность, притвориться панями, и он даже знал, каких именно панов следует изобразить, – из православной русской шляхты, из-под Орши. Это объяснило бы и своеобразный выговор, по которому варшавские поляки сразу бы опознали иноземцев.

Менять потребовалось решительно все – кроме разве что холщовых подштанников.

Казалось бы, не так уж отличается жупан от русского кафтана или однорядки, а поди ж ты – люди сразу видят разницу. А польские кушаки без слов говорят, кто ты таков и богат ли. Узнав цены на эти особым образом сотканые кушаки с золотыми нитями и филигранными пряжками, Шумилов возмутился и отказался брать. Ивашке с Петрухой-то что, а ему за каждую копейку ответ держать.

Временно отложив попечение об одежде, московиты задумались об оружии.

– Нужно обзавестись саблями, – сказал Шумилов. – Иначе нас польские паны и за людей не сочтут, а так – за подлое сословие.

– Может, и лучше, чтобы за подлое сословие, – возразил Петруха. – Я слышал, паны горды, чуть что – за рукоять хватаются. Я вот саблей махать не обучен, как раз на тот свет отправлюсь.

– Я тоже, – признался Ивашка.

– Я умею обращаться с рапирой и со шпагой, но не очень хорошо, – призналась Анриэтта. – Мне больше приходилось стрелять.

О том, что Анриэтта и Дениза побывали во всяких переделках, следуя за мужьями, сторонниками покойного английского короля, Шумилов знал от Ордина-Нащокина, который, вербуя женщин в лазутчицы, обо всем их расспросил, Ивашке же немало рассказала Дениза.

– Сабельной рубке меня учили, – сообщил Шумилов с таким видом, будто у него вдруг зубы заболели. – Вот только выбирать клинки не умею. Будь мы на Москве, я бы нашел в Саадачном ряду знатока. А тут нам вместо хорошего клинка поганый подсунут, мы и не поморщимся.

– А не все ли равно? – спросил Петруха. – Коли они нам лишь для вида?

– Не дам тратить казенные деньги на всякую дрянь, – отрубил Шумилов.

С деньгами была сушая беда – московиты напрочь запутались в польских медных шелягах, серебряных грошах, двугрошах, тройках, шостаках, ортах, талерах, полуталерах, дукатах и двудукатах. А у них еще были и курляндские деньги, и даже, на всякий случай, шведские.

– Вот, возьми, – Анриэтта, сняв с пальца перстень, дала Петрухе. – Нужно найти ювелира и продать. Вот и деньги на доброе оружие.

При этом она строго посмотрела на Шумилова.

– Что, Арсений Петрович, брать? – в Петрухином голосе было немалое лукавство, он наслаждался забавным положением; он уже давно подметил, что Шумилов и Анриэтта повадились силой меряться, но не той, что в руках и плечах, а незримой, внутренней.

– Коли охота деньгами швыряться... – проворчал Шумилов, и трудно было понять, позволение это или запрет.

Петруха решил, что скорее позволение.

Наутро они с Ивашкой пошли по всему Гданьску искать оружейные лавки.

После «кровавого потопа» оружия в этих краях осталось великое множество – и татарского, и турецкого, и шведского. Всякая оружейная лавка была целым арсеналом, да только оба московита понятия не имели, какая сабля должна прийтись по руке. Самые короткие были в семнадцать вершков, самые длинные – вершков чуть ли не в двадцать. Вот и поди пойми, которая лучше, когда не обучен рубке!

Ивашка был по натуре человеком миролюбивым, а пора, когда он по молодой дури ввязывался в драки, миновала. И то – главным образом кулаками махал, за нож не хватался. Трудясь под началом Ордина-Нащокина и Шумилова, он не имел дела ни с каким оружием, кроме обязательного засапожника с красной шелковой кисточкой, свисающей на голенище.

А Петруха, приставленный к корабельному строению, встречался с разными людьми и очень любил мужские разговоры об оружии. В Царевиче-Дмитриеве служили донские казаки, было некоторое количество стрельцов, приезжали курляндцы, которые после разорения герцогских верфей и пленения герцога Якоба осиротели. Было с кем потолковать о ножах, саблях и прочих клинках, поспорить о творениях золингенских оружейников в самом Золингене и в Англии, куда удачно сбежали два опытных мастера и открыли свои мастерские.

Вот и сейчас Петруха хватался то за ятаган, который ему совершенно не был нужен, то за персидскую саблю-шешпир. А польские сабли-карабелы, которых в лавке было большинство, его внимания пока не удостаивались. Возможно, потому, что он видывал их редко и все больше издали. А Ивашка – тот с карабелями был знаком, потому что ими щеголяли в Москве молодые княжичи и боярские сынки.

Видя, что хозяин лавки, пожилой купец с невероятной длины седыми усами, уже смотрит на покупателей косо, Ивашка стал примериваться к сабле-карабеле, любимице всех панов, особенно в мирное время – она была более приспособлена для пешего боя. И, пробуя, как ложится в ладонь рукоять в виде орлиной головы, вовремя вспомнил поговорку и порадовал ею купца:

– Без Бога – ни до порога, без карабелы – ни с постели!

Из лавки они унесли три хорошие карабелы и три кинжала – подвешивать к поясу.

Шумилова они застали в удивительно бодром настроении.

– Баба с возу – кобыле легче, – сказал Арсений Петрович. – Она ухитрилась наняться комнатной девкой к какой-то польской пани и уезжает с ней в Варшаву.

– Эх... – вздохнул Петруха. Он все это время пытался как-то подладиться к Анриэтте, но француженка решительно не желала замечать его поползновений.

– Она сказала, как ее найти в Варшаве? – спросил Ивашка.

– Сказала, сама нас сыщет. А как – одному Богу ведомо, и будет ли искать – не уверен. По-моему, она только и хотела, что от нас отвязаться. Довезли мы ее до Гданьска, и более мы ей не нужны. Вот и славно, – подытожил Шумилов. – Сами справимся.

Два дня ушло на возню с одеждой, потом еще нужно было купить лошадей. Наконец тронулись в дорогу – и через седмицу были в Варшаве.

По дороге москвиты придумали себе новые прозвища. Шумилов стал паном Арсением Залесским, Ивашка – паном Яном Ковальским, благо в Речи Посполитой Ковальских сто тысяч, не менее, а Петруху, почти не говорящего по-польски, сделали паном Петром Немовлянским.

Но добраться до Варшавы было просто, отыскать в большом городе беглецов – куда труднее. Москвиты прочесали все гостиницы, ходили во все церкви – и в костелы, и в лютеранские храмы, выбирая время, когда народ расходится после службы. Наконец Шумилов вынужден был признать: Анриэтта права, беглецов где-то прячут иезуиты. А об иезуитах он уже знал довольно много.

Они появились в здешних краях около ста лет назад – и не сами пришли, а их пригласил кардинал Станислав Гозий. В то время на землях Польши и Литвы сильно укрепился кальвинизм – до того даже доходило, что католических ксендзов принуждали менять веру. Католики оказались в незавидном положении. Куда уж дальше-то: епископ Пац сложил сан, стал протестантом и, страшно сказать, женился. Кальвинизм больше соответствовал нравам вольнолюбивой и своенравной польской шляхты. Но, когда в стране имеется несколько вер, добра не жди. Короли – сперва Стефан Баторий, потом Сигизмунд Третий – решили, что вера должна быть одна, и пусть это будет католицизм.

Иезуиты, которых к тому времени уже прозвали «черной гвардией папы», прибыли в Вильно весьма смиренно. Большинство их было польского происхождения. Но вскоре они завладели лучшим в Вильно Свято-Янским костелом. А потом взялись за дело тихо, но упорно. Они стали создавать коллегии – школы для детей шляхты, где нравы были почти монастырские, а знания давались не хуже, чем в ином университете. Обучение было бесплатным. А поскольку шляхта и сама хотела видеть наследников образованными на европейский лад, то общество Иисуса создало немалую сеть коллегий, куда брали всех – и детишек русской шляхты тоже. Никто открыто не принуждал их к перемене веры – это происходило само собой. Европейская культура оказалась очень хорошей приманкой.

Вскоре польская аристократия почти вся перешла в католицизм и предалась этой вере со всей страстью души. Доходило до странных затей – внучка знаменитого защитника православия, князя Острожского, на свою беду, пославшего детей учиться в католические коллегии и университеты, так яростно веровала, что распорядилась выкопать останки деда и окрестить их по католическому обряду.

– Уж не прячут ли раба Божия в коллегии? – предположил Шумилов. – Обучают его там латинской вере?

– И Черткова тоже обучают? – удивился Ивашка. Он, живя в Москве, кое-что слышал о Ваське и сильно сомневался, что этот детинушка в состоянии разобрать хоть строку в молитвослове. – Куда-то же Чертков подевался?

– Нужно будет объехать несколько этих басурманских коллегий, – решил Шумилов. – Притворимся, будто мы из самой глуши, лаптем щи хлебаем, а сынов хотим вышколить на польский лад. Может, там кто хоть словом обмолвится, что есть-де у нас такие ученики.

– Тогда это твои сыны должны быть, Арсений Петрович, ты среди нас самый старший. Рано женили, удержу не знал, вот и наплодил с ходу троих, старшему – шестнадцать, – сразу сочинил Петруха. Шумилов поморщился: о том, что у него есть два сына-близнеца, растущие у деда с бабкой, он даже лишний раз вспоминать не хотел, рождение этих детей погубило Алену.

– А сколько в Варшаве этих коллегий? – спросил Ивашка.

– А с чего ты взял, будто наши голубчики именно в Варшаве? Может, они уже в Кракове! – ответил Петруха.

– Придется поладить с каким-нибудь ксендзом, – решил Шумилов. – И просить у него совета, куда лучше отдать сынов.

– Ну, ксендзов тут – как комаров на болоте!

Теперь нужно было приготовить вразумительное вранье.

Ивашка врать умел – всякий, над кем множество начальников, обучается этому искусству легко и даже радостно, а у Ивашки в придачу жизнь складывалась причудливо, врать приходилось много. Ему и четырнадцати не было, когда, не выдержав отцовских строгостей, он сбежал из дома и оказался у бабкиной сестры. Она жила на Неглинке, а там было царство заторных девок, которые пригрели смышленного и услужливого парнишку. Его способность к языкам обнаружилась случайно – когда он, с четверть часа потолковав с немцем, тайно приехавшим выбрать себе зазнобу, сперва махал руками и чуть ли не блял по-овечьи, но потом, повторяя наугад немецкие слова, достиг понимания. Потом, лет в шестнадцать, он пошел в услужение к немцу-живописцу. Всякий, кто в услужении, врет не задумываясь. В Посольском приказе тоже по-всякому приходилось выкручиваться. Так что Ивашка был готов нести любую чушь – лишь бы на пользу розыску.

Беда была в том, что говорить с ксендзами следовало самому старшему – Шумилову, а он врать не любил. Да это у него и на лбу было написано – прям и не склонен юлить.

Решили начать с костела Святого Креста, что в Краковском предместье. Костел принадлежал братьям-лазаристам. Они как будто не иезуиты, и у ксендза можно выяснить немало любопытного о католических коллегиях – не только похвалы услышать, но и про всякие неурядицы узнать.

Проводив Шумилова и убедившись, что ксендз пригласил его в свое жилище, Ивашка с Петрухой встали у костела, чтобы потарашиться на проезжающие кареты и проходящих мимо женщин.

Женщины тоже на них поглядывали – да и немудрено, оба были недурны собой, в особенности Петруха. Он уже привык к тому, что его считают красавцем, и стоял гордо, развернув широкие плечи и опираясь на рукоять карабеля; еще не всякий пан, из которого польский гонор так и прет, мог бы с ним сравниться.

Варшава, которую шведы в войну разорили основательно, оживала; шляхетство, прятавшее семьи в глуши, возвращалось; купцы везли новые товары. Жизнь налаживалась!

Ивашка с Петрухой перешептывались, обсуждая красивых полячек, входивших в костел и выходящих из костела. Им понравились оживленные личики, белизна и румянец которых были удивительны – как если бы красавицы не пользовались румянами и белилами. Московские понятия о красоте включали в себя румянец свекольного оттенка, порою и наводимый именно свеклой, неестественную белизну и угольно-черные брови, причем уголь для них брали прямо из печки. Такая отчаянная раскраска, да еще многослойная одежда, совершенно скрывающая стан, уравнивали двадцатилетнюю юную купчиху с пятидесятилетней боярыней, тем более что шею было принято тщательно закрывать. Варшавская красота была иной – женщины считали долгом казаться юными и бойкими, а нежные белые шейки и неглубокие вырезы на груди просто притягивали взгляд.

Вдруг подскочила к Петрухе прехорошенькая паненка, в забавной бархатной шапочке на белокурых волосах, синеглазая, в короткой черной пелеринке, которую она придерживала на груди белейшей ручкой, украшенной тремя знатными перстнями, и в зеленой юбке. Ростом она была – как дитя лет двенадцати, но вся повадка – словно у молодой и уверенной в себе женщины, большой насмешницы и проказницы.

– Поздравляю пана! – сказала она Петрухе и, без всякого стыда взяв его за руку, втиснула в ладонь бумажный лоскуток. Потом, подмигнув, убежала, замешалась в толпу горожан.

Ивашка с Петрухой от такой скорости ошалели.

– Глянь, что там! – опомнился Ивашка. И Петруха с изумлением уставился на записку.

- Читай ты, – сказал он. – Я по-письменному еще не разбираю.
- «Если пан и впрямь такой благородный рыцарь, каким выглядит, он не побоится прийти после заката солнца, как будет темнеть, на берег Вислы, туда, где ворота королевского замка», – прочитал Ивашка. – Это что за чертовщина?
- Это меня полакомиться зовут, – сообразил Петруха.
- И что, пойдешь?
- Хм... Ну... сколько ж можно поститься?! – воскликнул Петруха.
- Тихо ты! А если старая кляча?
- Знаешь, братец, я столько дней бабьего мяса не видел, что мне теперь и старая кляча сойдет, – честно признался Петруха.

Глава седьмая

Королевский замок, великолепное здание, гордость Варшавы, лежал в развалинах. Не весь, кое-что уцелело, но восстанавливать такое огромное строение – дорогое удовольствие, и у Яна-Казимира просто не было пока на это денег. Как оно обычно бывает, в развалинах дворца поселились всякие подозрительные людишки. Ивашка и Петруха знали об этом, сильно подозревали, что «благородного рыцаря» заманивают с какими-то дурными намерениями, но обоим страшно как хотелось узнать, что собой представляют полячки при более близком знакомстве.

Но рассказывать Шумилову при записку было опасно – посмотрит тусклыми глазами, сморщится, и ощутишь себя последним дурнем, которых ложку мимо рта пронесит.

Сообразительный Петруха догадался, как сбежать от начальства.

Когда Шумилов вышел от ксендза и махнул подчиненным рукой, чтобы шли за ним, Петруха, пройдя два десятка шагов, удержал Шумилова и прошептал:

– Ты, Арсений Петрович, ступай, а мы с Ванюшей здесь побудем.

– Какого черта? – шепотом же отвечал Шумилов.

– Ксендзы хитры, если этот тебя в чем-то заподозрил, может человека с запиской к иезуитам послать. А мы – следом. Может, так и докопаемся, куда они наше чадушко спрятали.

– Так... Ладно. Пройдем еще до вон того костела, потом сделайте крюк и возвращайтесь.

Уловка удалась.

– Одним камнем двух зайцев уьем, – сказал Петруха Ивашке. – Ну как и впрямь ксендз парнишку пошлет?

Они бродили по дивной улице, Королевскому тракту, не упуская из виду ни дверей костела Святого Креста, ни дверей дома по соседству, где жил ксендз, ни переулочка, куда выходили другие двери этого дома. Вскоре они ощутили голод и заспорили, караулить ли еще или пойти на поиски хоть какой харчевни. О том, что сказать Шумилову, объясняя Петрухино ночное возвращение, тоже следовало посоветоваться.

Съев по большой миске отличного, три дня выстаивавшегося бигоса, куда повара не пожалели ни перца, ни кориандра, ни чеснока, они сочинили правдоподобное вранье: как Петруха пошел за мальчиком-посланцем и зашел бог весть куда, как оказалось, что мальчик не посланец, а просто послан ксендзом с корзинкой творить милосердие – покормить болящих стариков в верстах трех от костела Святого Креста, как Ивашка, оставшийся на всякий случай еще покараулить, видел входящих к ксендзу монахов, и далее – в том же духе, со множеством всякой суеты, ни к чему путному не приведшей.

Пока доели роскошный бигос, запивая зубровкой, настал долгожданный закат.

– Не по душе мне эта затея, – сказал Ивашка, когда они уже подходили к Замокковой площади. – Хоть бы пистолы у нас были... Одни карабелы, будь они неладны, и теми махать не умеем!

– Если там просто старуха, я деру дам, – пообещал Петруха. – Но ты поразмысли – баба не простая, раз у нее такая девка на посылках. И баба по Королевскому тракту в карете ехала, оттуда меня и высмотрела. Что, ежели знатная пани?

– На кой ты ей сдался?

– А на кой я сдался Машке Шварцевой? Охота от старого мужа погулять, если путаться с немцами, весь Кокенгаузен сразу прознает, а с русским можно тайно, он болтать языком не будет.

История с Матильдой Шварц, женой булочника, и была той каплей, что переполнила бочку воеводского терпения.

– Среди своих молодца искать – опасно, а по моей роже, видать, ясно было, что я в Варшаве чужой, – совсем понятно растолковал Петруха.

– Не в развалинах же...

– А это уж ее забота! Так вот, коли баба из знатного рода, да еще не такая молодая, она непременно с ксендзами дружбу водит. Понял? Вот мы ее и приспособим искать пропажу.

– Чушь ты несешь... Только что придумал! Ох, была бы тут моя сестрица...

– Да... – погрузнев, согласился Петруха. – Она бы сообразила, как след взять.

Огромный замковый двор был пустынен. Пахло всякой дрянью – не иначе, под рухнувшей стеной лежал покойник, а то и не один. Петруха подошел к тому месту, где, статочно, раньше были кованые ворота, а Ивашка затаился за углом. Было не настолько темно, чтобы не видеть, как вышагивает взад-вперед Петруха. Ивашка подумал: «Вот любопытно, товарища в карете увезут или тут же, в развалинах, уцелел какой-то чуланчик?» И тут он услышал хруст – кто-то крался по обломкам и осколкам.

Стараясь ступать как можно бесшумнее, Ивашка заскользил, обтирая стенку новеньким жупаном.

Он вовремя увидел троих верзил, изготовившихся нападать на Петруху и только ждущих, чтобы московит подошел поближе.

– Петруха, берегись! – заорал Ивашка и выхватил из ножен карабелю.

Петруха едва успел изготовиться к обороне. Саблю у него из руки выбил куда более опытный рубака, но Ивашка, наскочив сзади, ударил рубаку по шее, словно собирался снести ему голову с плеч.

Тут выяснилось, что в темноте скрывался и четвертый разбойник.

Пришлось удирать без оглядки.

Видно, сильные у них были ангелы-хранители – московиты выскочили на берег Вислы и чуть не кубарем полетели с крутого склона.

Неведомо, что было бы, если бы ночные налетчики, лучше знавшие окрестности замка, спустились за ними следом в подходящем месте. Но Ивашка чуть не влетел в разведенный под самой кручей и почти что у воды костерок. Сидевший у костерка человек вскочил.

– Вы кто такие? – испуганно спросил он.

– А ты кто такой?

– Никто я! Убирайтесь отсюда оба!

Но Петруха сообразил, что уходить от этого костерка и этого человека опасно – в темноте как раз напорешься на сабельный удар.

– Мы люди мирные, – сказал он. – Если пан пустит погреться, заплатим. Дадим целый орт.

– На что мне ваш орт...

– А что пану нужно? – со всей шляхетской любезностью осведомился Ивашка.

Человек, на вид бывший их ровесником, задумался:

– А что, панове? Может, вас сюда сама Матерь божья послала. Тадек, эй, Тадек!

– Чего тебе?

Голос шел прямо из реки.

– Тадек, цепляй чего побольше. Нашлось кому тянуть! Вот веревка, панове. Тадек, готово?

Ответа пришлось ждать несколько минут. В реке плескались и бултыхались по меньшей мере двое. Наконец человек, сидевший у костра, получил приказ тащить, и все трое ухватились за веревку.

Из воды на берег выползла белая голова.

– Свят-свят-свят... – забормотал, бросив веревку и крестясь, Ивашка. Петрухе тоже стало не по себе.

– Это не утопленник, – успокоил их приятель Тадека. – Это бог Феб.

И тут только выяснилось, чем занимаются молодцы ночью, тайно, на берегу Вислы.

Захватившие Варшаву шведы вывозили все, что считали ценным, на баржах. В королевском замке они даже выломали мраморную напольную плитку. Две или три баржи, которым полагалось спуститься по Висле к морю и потом через море достичь шведских берегов, затонули, даже не отойдя от дворца. И вот нашлись умные люди, сообразившие, что до груза можно добраться и взять за него хорошие деньги. Богатые паны вновь строят дома – и в городе, и загородные, они охотно покупают мраморных богов, богинь и сатиров, не задавая лишних вопросов. Главное было – в лунную ночь выудить побольше этого добра, пока вода не стала совсем холодной.

Как бы то ни было, мраморные болваны спасли Ивашку с Петрушкой, а ныряльщики, согревшись, вывели их к более пологому склону.

– Карабеля, будь она неладна... – сказал Петруха. – Надо отыскать, а то Шумилов меня съест.

– Думаешь, эти изверги уже ушли? Не ждут ли они нас там?

– Бес их знает. Подойдем потихоньку. Может, что услышим.

– Может, и услышим. Палку, что ли, подбери...

Ивашка не хотел возвращаться – вдруг испугался правды. Что, как он порешил того подлеца, что первым напал на Петруху? Рубил-то со всей дури, и тот повалился, не вскрикнув.

Но во дворе было тихо.

Карабелю нашли не сразу, она отлетела к полуразрушенной стене, а вот кое-что неожиданное отыскивали. Это была меховая шапка-«рогатывка», у которой спереди имелся султанчик из белых перьев, прикрепленный дорогой жемчужной пряжкой.

– Это ты с того налетчика, поди, сбил, – догадался Петруха. – Забирай добычу. Пряжку продадим, шапку выкинем.

– Нет, продавать ее нельзя. Может, мы по пряжке хозяина сыщем. Раз уж у нас враги тут завелись, неплохо бы понять, кто таковы, – рассудил Ивашка. – Только что мы Шумилову скажем? Извозились, как две свиньи...

– Скажем правду. Он должен знать, что нас тут кто-то выследил.

– Ох, и достанется нам!

– А как быть?

Шумилов не спал – ждал донесения. И дождался – правда, не такого, на какое рассчитывал.

– Дураки, – сказал он, услышав о странном приключении. – Выпороть бы обоих. Ну, показывайте шапку.

У Ивашки с Петрухой не достало ума прощупать «рогатывку», а Шумилов нашарил под ее подкладкой что-то твердое. Взяв засапожник, он подпорол подкладку и извлек вчетверо сложенный листок плотной бумаги.

Это был список прозваний – сплошь польские.

– Панов каких-то переписали, – удивился Ивашка.

– Для кого-то список приготовили. А кто все эти люди – бог весть. Вот что, соколики вы мои, нужно бежать из Варшавы. Статочно, ты, Ивашка, того человека порешил.

– Я его порешил? – Ивашка задумался. Все свидетельствовало о правоте Шумилова. В удар была вложена вся силища, и жертва не на своих ногах ушла – ее унесли, а позабытая шапка не то что говорила, а прямо кричала: я своему хозяину больше не пригожусь! Конечно, попавший под удар человек мог и остаться в живых, но вряд ли что он здоров и бодр.

– Надо бы сходить поглядеть, есть ли там, где он повалился, кровь. Но это опасно. Кто-то хорошо знает в лицо тебя, Петрушка, да и тебя, Ивашка, тоже – вы вместе по Варшаве носились. Сдается, что и меня. Но кто? Хотел бы я знать, во что мы впутались.

– Иезуиты? – предположил Петруха.

– Может, и они. Отгоняют от нашего беспутного чадушка. Значит, оно для них представляет немалую ценность. Так, выходит, этот подлец в Варшаве... выходит, мы уже близко к нему подобралась...

– Доброе дело сделает для государя тот, кто сунет подлецу нож меж ребер, – вдруг сказал Петруха.

– Да, – согласился Шумилов. – Иезуиты думают, что нас именно с этой целью и прислали. Потому и берегут чадушко поганое... В этот раз не удалось – в другой до нас доберутся.

– А куда бежать? – спросил сильно огорченный Ивашка. – Домой? Мне чем к Башмакову приползти с повинной головой, лучше сразу камень на шею да и в реку.

– Нет, домой мы не побежим. Мы поедем туда, где нас искать не станут. В Краков.

Лицо Шумилова, принявшего такое странное решение, было спокойным – как если бы распорядился подать себе ковшик кваса.

Ивашка знал это выражение шумиловского лица – несколько отрешенное, словно бы подъячий был беспредельно равнодушен ко всему земному и мирскому. Точно так он глядел на огромную змею, которую везли в зверинец герцога Якоба, когда с холодным любопытством ощупывал ее голову в поисках ушей.

– А что? В Кракове сейчас королевский двор, – согласился Петруха, – там народу – тьма-тьмущая, затеряемся. Только какой с того прок? Те государевы письма, может, уже и смысла никакого не имеют...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.